1972

Автор:
Евгений Щепетнов

1972

Евгений Владимирович Щепетнов

Михаил Карпов #5Новый фантастический боевик. Миры Евгения Щепетнова

Михаил Карпов, советский фантаст, появившийся будто бы из ниоткуда, продолжает свои приключения в США. Предварительная подготовка к экранизации его романа близка к завершению, а американская медийная машина продолжает раскручивать образ удивительного русского писателя. Ведь он и отважный боец, победивший в одиночку нескольких вооружённых преступников, и, как говорят, колдун, который видит будущее. Любовь публики к шоу доставляет писателю не слишком много радости и скорее воспринимается как необходимое зло. Тем временем политические игры нашего героя начинают приносить свои плоды. И когда он вернётся в СССР, будет ли это та же страна, которую он знал? И правильно ли были сделаны ставки…

Евгений Щепетнов

1972

© Щепетнов Е. В., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Евгений Владимирович Щепетнов – современный российский писатель, автор книг в жанре фантастики и фэнтези.

Родился в 1961 году. Работал геологом и нефтяником, служил в милиции, был предпринимателем.

Писать начал в 2011 году, просто для души.

Профессионально занялся писательским ремеслом в 2012 году, в январе, выложив главы первой книги в стиле фэнтези на Самиздат. В настоящий момент написано более 50 романов.

Хобби: кладоискательство, охота, дайвинг.

Пролог

– Карпов отказался вернуться и угрожает выдать американцам какие-то сведения, касающиеся высшего руководства СССР, – в том случае, если повторится попытка захвата. Или его попытаются ликвидировать. В последнем случае, как он сказал, имеется рукопись, в которой он рассказал о руководителях нашей страны и о ее будущем. После смерти Карпова рукопись будет обнародована. Хранится она у адвоката. Далее, Карпов сообщил, что в случае репрессий по отношению к нему и его друзьям он сделает то же самое, что и при попытках его убрать. Поделится информацией с американцами. И не только с американцами.

– И кто эти самые друзья? Вы это выяснили?

– Да, товарищ генеральный секретарь. Выяснили. Собственно, друзей у него немного. Это бывшая его сожительница, это бывший руководитель стрелковой секции, в которой Карпов тренировался, и это главный редактор издательства Махров, который, собственно, и вывел Карпова в люди. Все эти люди под

наблюдением – кроме одного, руководителя спортивной секции, который внезапно уволился со своего места и уехал в неизвестном направлении. Местонахождение его нам не известно.

– Еще что-то?

– Да, товарищ генеральный секретарь… Карпов требует, чтобы к нему приехала его любовница, можно сказать сожительница, Нина Константиновна Мелькишева. Она сейчас работает в том же издательстве, что и Махров. Карпов сказал, что ему нужен секретарь, вот пускай, он требует, она к нему и приедет.

– Что ты можешь сказать по поводу провала операции? И вообще – как ты собираешься действовать дальше? Нам не нужно, чтобы Карпов свободно разгуливал по вражеским странам и лил на нас всяческую грязь! Вы просчитали последствия акции ликвидации?

– Да, товарищ генеральный секретарь. Наши аналитики просчитали несколько вариантов развития событий. По первому варианту – Карпов блефует. Нет у него никакой рукописи, да и что он может написать? Он фантаст, и кто ему поверит? Если его ликвидировать, конечно, поднимется шум. На нашу страну выльют цистерны грязи. Будут применены санкции, и ущерб будет очень велик. Но в конце концов все стихнет, не такая уж он и большая величина, этот Карпов. Просто очень популярный, известный писатель.

– Просто! Все у тебя просто, Юра! Шум будет такой, что от дерьма не успеем очиститься, как новое прилетит! Надо было сразу его убирать, до того, как он поднимется настолько высоко! А теперь что делать? Ну, что ты предлагаешь?

– Его можно убрать так, что никто не заподозрит, что это сделали мы. Но надо ли это нам?

– То есть? Как это не надо?! Где-то во вражеском государстве бродит человек, который может нанести нашей стране огромный вред. И мы зависим от того, скажет он им что-то или нет! И ты говоришь – надо ли это?! Как тебя понимать?

– Леонид Ильич… а может, оставить его в покое? В письмах он рассказал все, что знал, – о предателях, о будущем страны, – с его точки зрения, конечно. О том, как избежать этого самого будущего. Фактически он рассказал все, что было

возможно. Основные вехи, основные факторы развития – все указано в письмах. И зачем тогда нам он сам? Если только как свидетель… Он нам фактически не нужен!

– Я не верю ему. Из будущего он или нет, но есть мнение, что этот человек заражен идеями разрушения социализма. Он как вирус, который пытается проникнуть в тело здорового организма и отравить его своим ядом. Повторюсь в очередной раз: скорее всего, это агент влияния, который пытается нас разобщить, внести сомнения в наши дружные ряды. Он или должен быть под контролем, или его нужно ликвидировать. Что касается его любовницы – вы с ней работали?

– Работали. Она готова. Насколько готова – я не знаю, но готова.

– Она может его ликвидировать?

– Вряд ли. Даже не вряд ли – нет, не может. Но информировать нас согласилась.

– Мотивация?

– Опасность для ее мужчины, необходимость его оберегать. Любовь к стране.

– А что насчет второго варианта? Второго варианта ликвидации?

– Второй вариант – это тот, в котором у Карпова на самом деле имеется пресловутая рукопись. Мы предположили, что в ней может содержаться, и пришли к выводу: там может быть описана личная жизнь руководителей страны, не более того. И эта информация не может быть такой уж катастрофической. По большому счету, те, кому надо знать, все это знают.

– И про мою дочь, да? Про ее похождения? То-то и оно… знают, да помалкивают. А этот… раззвонит на весь мир!

– Тогда что будем делать, Леонид Ильич? Ликвидируем Карпова или все-таки воздержимся от акции? Как скажете – так и сделаем.

– Как скажете, как скажете… я подумаю, Юра. Не нужно пороть горячку. Время у нас еще есть – Карпов будет теперь сидеть в Америке не один и не два месяца. Вы его напугали, так что все теперь не просто так. А эта самая любовница пускай едет. По результатам ее докладов и сделаем выводы. Пускай наблюдает, слушает, записывает. Ну и передает нашим людям.

– Как поступим с главным редактором Махровым? С ним что делать?

– Вы взяли с него подписку? Обязали сообщать о контактах с Карповым?

– Конечно, Леонид Ильич.

– Ну, вот и достаточно. Не трогайте его. Пусть работает. По большому счету, он ничего не сделал, кроме как напечатал книги Карпова. Так пусть печатает и дальше – под нашим контролем. А того, пропавшего друга Карпова, – ищите. Что значит неизвестно, где он?! Даже смешно! Он вообще кто такой?

– Военный пенсионер, награжден орденами. Принимал участие в нескольких военных операциях, в том числе и во Вьетнаме. Специалист по стрельбе, специалист по рукопашному бою. Инструктор по этим дисциплинам. После выхода на пенсию жил тихо, незаметно. Установленное за ним наблюдение, в конце концов, было снято. Что такое у него случилось, что пенсионер решил исчезнуть, – неизвестно. Может, решил принять схиму и уйти в монастырь – и такое возможно. Кстати, монастыри проверяются. Его пока не нашли.

Молчание. И через минуту тяжелый голос Брежнева:

– Можешь идти, Юра. Каждую неделю отчет по Карпову мне на стол. Плохо работаешь, очень плохо! Вот стихи у тебя получается писать гораздо лучше! Может, тебе в стихоплеты податься? Ладно, ладно, шучу – иди.

Андропов повернулся и вышел из кабинета. Грудь жгло обидой, злостью и досадой, но он не позволял себе проявить эти чувства. Его, Андропова, как мальчишку! Как какого-то щенка! Нет – все-таки правильно, что он послушался Шелепина. Пора, пора…

Глава 1

Я припарковал «Кадиллак» на размеченной белыми линиями площадке возле аэропорта имени Кеннеди. Машин было много, но место я нашел почти сразу – то ли повезло, то ли в этом времени этих самых машин не столько, сколько в 2018 году. Что-то я пробок пока не видел, хотя… где я мог их видеть? В Москве? Так в Москве 1971 года машин, наверное, меньше, чем в одном районе Саратова 2018 года. В Нью-Йорке? Ну да, тут машин полным-полно, все-таки автомобильная страна! Да и машины у них – настоящие сараи на колесах. В смысле размера, конечно. Но вот как-то не заметил пробок, и все тут. Может, потому, что по большому счету я по Нью-Йорку-то и не ходил? И уж тем более – не ездил. Сижу себе в своем доме в городе Монклер штата Нью-Айленд и наслаждаюсь жизнью. До Манхэттена от моего дома – всего двадцать километров по автобану. Вжжик! И ты уже в «бурливом горниле». Вжжик! И ты опять в тишине, покое, и пофиг тебе этот грязный Нью-Йорк.

Мне позвонили через три дня после моей разборки с группой гэбэшников, которые хотели меня похитить и отправить в Союз – после того, как я отказался вернуться самостоятельно. Возвращаться сейчас для меня смерти подобно – засунут в золотую клетку и будут выжимать из меня сведения о будущем, о 2018 годе, из которого я и рухнул сюда, в 1971 год. Вернее, не в 1971-й, а в 1970 год – в этом времени и в этом мире я живу уже больше года. За этот год много чего произошло, и самое главное – я сделал все возможное, чтобы сохранить Советский Союз, а для того подготовил и разослал письма с информацией о будущем тем, кто, как я считал, может повлиять на судьбу страны в сторону улучшения.

Увы, пока что никакого особого эффекта от моих усилий я не увидел, кроме одного: меня вычислили (не надо считать КГБ идиотами!) и решили взять под жесткий контроль. А как еще лучше взять под контроль – кроме как посадив объект контроля в тесную клетку? А я вот не хочу жить в клетке, даже и в золотой, – даже если ее украсят драгоценными камнями. Я свободы хочу! Потому вынужден жить в чужой, можно даже сказать, вражеской стране. В США. Благо что денег у меня теперь – куры не клюют. Я миллионер и эти деньги заработал честным трудом – писательским. Мои книги расходятся бешеными тиражами, и в этом году я, наверное, самый «тиражный», самый востребованный автор не только Союза и США, но и всего мира.

Итак, мне позвонили, и вежливый приятный мужской голос на чистом русском языке сообщил, что я могу встретить мою Ниночку в аэропорту имени Кеннеди, назвал номер рейса и время прибытия. Потом вежливо попрощался и… все. В общем-то все.

Я с минуту сидел неподвижно, держа в руке гудящую трубку телефона. Почему-то меня так это потрясло, как если бы из-за угла врезали по башке пятикилограммовым мешком с древесным углем для шашлыка. Вот стоишь такой – черный весь, в угольной пыли, вокруг валяются кусочки угля, обрывки упаковки, а ты и думаешь: к чему бы это все было? И почему именно углем? Почему не врезали электрическим самокатом?

В общем, в голове кутерьма, вокруг непонятки, а я весь в белом несусь с горы на этом самом самокате, и куда меня вывезет тропинка – ни фига не ведаю. Главное – не свалиться в пропасть справа и слева от меня, а там уж куда приведет, туда приведет.

В приезд Ниночки я не верил. Так, на всякий случай наехал на «фейсов», вернее, «кровавую гэбню», выдвинул требования всякие-разные, ну и забил на это самое дело. Хорошо, если они Махрова с Ниночкой не репрессируют – да и слава богу. А уж чтобы ее выпустили ко мне… это вообще из области фантастики. Хотя… есть объяснение и этому факту. Но потом. Все – потом! Главное – она приезжает!

На следующий день я собрался и под возражения Пабло, который обязательно хотел ехать со мной, погрузился в свой белый «Кадиллак». «Босс, прости, но ты спятил! Тебя только что хотели похитить, а ты едешь один! Я только-только приличную работу получил, и ты меня ее хочешь лишить?! Ты жестокий и бессердечный человек! Я попрошу Лауру, чтобы она положила в пирожок жареного лука! Это моя месть тебе!»

У Пабло странный юмор. Он шутит с абсолютно каменным лицом, и шутки его распознает не всякий. Само собой – никакого жареного лука в пирожки его жена Лаура, она же моя повариха и прислуга, не положит, зная, как я ненавижу жареный лук. Что касается работы – я уже сделал так через нотариуса, что Пабло и его жена будут получать зарплату, пока живут в моем доме и за ним ухаживают. Это было сделать совсем не сложно, хотя и не очень просто. Как узнать, что они ухаживают за домом, если меня не будет рядом? Пришлось в договоре описывать, что именно они должны делать и что в результате должно получиться. Я составлял договор – писать по-английски я умею, хотя и довольно-

таки безграмотно. Говорю я уже как завзятый американец или, скорее, англичанин (американцы гнусавят и окончания слов размазывают, как англичанин после выпитых трех литров пива), но вот с письменным английским у меня пока что не очень.

Ну так ничего страшного – какие наши годы? Теперь по состоянию организма мне не больше тридцати пяти лет, хотя по паспорту – пятьдесят один. В этом времени, в этом мире я вдруг начал катастрофически молодеть и теперь выгляжу так, как в свои тридцать пять. У меня даже седина начала пропадать, хотя я седой уже с тридцати лет. Генетика такая, рано начал седеть.

Почему «катастрофически» молодеть? Да потому, что никто не поверит, глядя на мое фото в паспорте, что я – это я! Седой мужик на фото и нынешний плечистый худощавый молодой мужчина – как объяснить пограничникам и всяческого рода и вида ментам, что я вдруг начал молодеть и становлюсь моложе с каждым днем? Так и в дурдом могут отправить…

А еще меня постоянно посещает мысль – а СКОЛЬКО я еще буду молодеть? А если скоро превращусь в ребенка? В младенца?! Что тогда мне делать?! Как жить? Единственная надежда на то, что процесс омоложения замедлится, когда я достигну пика своего физического развития. То есть когда физически мне будет лет двадцать пять.

Почему именно этот возраст? И что будет, когда я достигну уровня развития этого возраста? Не начну ли я снова стареть? А вот не знаю. Есть у меня одна теорийка… ну такая, за уши притянутая… В общем, Провидение (да как хошь его назови – Мироздание, Бог, Аллах, Вицли-Пуцли!) забросило меня в это время для определенной задачи – Стать Агентом Влияния этого мира. То есть я своими действиями, своей жизнью, своим поведением должен делать нечто такое, что повлияет на жизнь всего человечества. Ну, как камешек, который срывает камнепад, или как снежок, который обрушивает снежную лавину. Зачем? И почему именно я? Да я-то откуда знаю! Так звезды легли! Может, чтобы предотвратить уничтожение человечества! А может, наоборот, – очистить Землю от этой плесени по имени «человек». Но скорее все-таки первое, иначе Провидение не позволило бы мне спасти столько людей. Хотя… гадать можно много, трудно и пространно, только результат будет один – пшик!

Вспоминается сразу фантастический роман Айзека Азимова «Конец Вечности». По сюжету существует некая организация, которая управляет цивилизацией

людей, находясь вне их времени. Эта организация время от времени выпускает в мир неких оперативников, осуществляющих так называемое «Минимальное Необходимое Вмешательство», сокращенно МНВ, после которого судьба мира идет по новому пути. Ну, это что-то вроде «И грянул гром» Брэдбери – там тоже такое описано. Раздавил бабочку в юрском периоде – и вот тебе вместо демократии фашистский строй государства. Но у Брэдбери это случайно, а у Азимова – группа аналитиков-вычислителей вначале делает сложные расчеты, вычисляя, какое и где вмешательство нужно сделать, а потом уже в мир идет оперативник и совершает МНВ.

К примеру: некий ученый изобрел топливо для космических кораблей, в результате чего человечество стало летать к звездам. Из одного из полетов на Землю был занесен смертоносный вирус, и половина Земли вымерла. Что надо сделать? А всего лишь проколоть колесо у машины ученого, чтобы тот опоздал на собеседование в научный институт, где он и совершил свое открытие, воспользовавшись ресурсами и информацией, предоставленной ему научным сообществом этого заведения. И как результат – космические корабли никуда не полетели. И не было вируса.

Или другой пример – его, как и первого, нет в книге Азимова, это уже мои домыслы, пришло в голову, когда начал думать над проблемой. Итак, к примеру: человек изобрел эликсир бессмертия. Люди перестали болеть, умирать, их практически невозможно стало убить. Не брали болезни, отрастали руки и ноги, даже мозг, и тот восстанавливался в кратчайшие сроки. Хорошо? Хорошо! Вот только на Земле невозможно стало жить. Людей стало так много, что они заполонили всю Землю, все материки, спустились под воду, и все равно – еды не хватало, ресурсы истощились, и люди… ну да, они стали резать друг друга и есть. Питаться человечиной. Погрязли в беспрерывных войнах, в каннибализме, в борьбе за каждый свободный клочок Земли.

Что делать? Спрятать ботинки ученого. Он опоздал на работу, нахамил начальнику, его уволили, он запил, по пьянке попал под машину и стал инвалидом, которому каждый день требуется укол обезболивающего, чтобы хотя бы немного поспать. Жалко ученого, да. Но люди не стали бессмертными, и угроза перенаселения отодвинулась на тысячи лет вперед. Если не навсегда.

Вот так и я – что-то или кто-то помимо моей воли закинул меня в прошлое, надеясь, что я совершу нужные им действия. МНВ. И я их совершил. Или еще совершу. Увы, помимо своей воли, не зная конечной цели моего заброса. Играют

меня втемную, швырнув в этот мир, как гранату.

Нет, ну а что еще я могу сказать по этому поводу? Ну, вот так случилось – я оказался в 1970 году, голый и босый, без порток и средств к существованию. Теперь я известный советский писатель-фантаст, живу в городе Монклер штата Нью-Джерси и думаю, как мне изменить мир к лучшему, а точнее – мою несчастную Родину, Советский Союз, распавшийся по вине хапуг и мерзавцев. И каковы побочные последствия моего перемещения во времени и пространстве, как это произошло – я не знаю и знать не могу.

И это нормально. Вот, например, кто знает, откуда взялся мир? Кто создал Землю и все сущее? Ну да-да… верующим легче. Они просто верят, и все тут! А ученые начинают нести свою чушь про теорию Большого взрыва, про всякие там протоматерии, никак и ничем не объясняя – а кто же создал эту протоматерию, из которой Большой взрыв выбросил в том числе и нашу Землю – будто медведь из кишечника после зимней спячки.

Вот так и я – ни черта не знаю, кроме одного: есть такие вещи, задумываться над которыми можно, но познать – никогда, и ты это прекрасно знаешь. Умный человек не заморачивается над такими вещами, просто живет, а глупый, да еще и пишущий фантастические сказки, – думает, голову ломает, теории строит. Дурак, да… нет бы верить, что все создано на седьмой день богом, которому просто стало скучно.

Кстати, не люблю ни упоротых фанатиков религии, ни упоротых атеистов. Первые вредят религии своим безумным фанатизмом и тупой, не рассуждающей верой в догмы, вторые молятся на свой атеизм, кончая от того, что цепляют верующих в бесконечных религиозно-антирелигиозных сетевых срачах. И самое смешное, что ни те, ни другие не могут доказать ни отсутствие бога, ни его наличие.

* * *

Какова моя позиция? Верю я или нет? Да кому какое дело, верующий я или неверующий? И только себе могу сознаться – я как в том анекдоте про Абрамчика в советской школе: «Учительница обществоведения поставила на стол икону и в доказательство того, что бога нет и с детьми ничего не случится (молния не ударит и падучая не жахнет), предложила школьникам подходить к

иконе по очереди и плевать в лицо Христу. Все дети подходили и плевали, а вот Абрамчик не пошел и не стал плевать. И тогда возмущенная учительница спросила: «Перельман, а ты почему не присоединился к другим детям?» На что Абрамчик ответил: «Марь Иванна, зачем я это таки буду делать? Если бога нет – зачем мне плевать в эту картинку? Это же бессмысленно! А если он есть – зачем мне портить с ним отношения?!»

Вот так и я – а вдруг ТАМ что-то есть? Ведь никто не доказал обратного! А раз не доказали – почему я буду отрекаться от веры? Кто-то ведь все вокруг меня создал?

Но да ладно, мои отношения с религией – это мои отношения. Я вообще по меркам Союза практически либерал. Воинствующий коммунист никогда бы не позволил Пабло устроить в одной из комнат гостевого дома в моем поместье что-то вроде часовни. Ребята, Пабло и Лаура, очень сильно верят, что и немудрено – они из Латинской Америки, а там к вере относятся в высшей степени серьезно. Двухтысячные годы приучили меня к терпимости, ох как приучили! До тошноты. Но иногда эта терпимость все-таки полезна. Ну, как в этом случае, к примеру.

Рейс, на котором прилетела Ниночка, был единственным, прилетающим из Союза. Я тоже летел этим рейсом – пару месяцев назад. Комфортабельный самолет, вжик! И ты уже в Америке. День полета с промежуточной посадкой, никаких проблем. Интересно, кто оплатил Ниночке билет на этот самолет? Контора? Они, кто же еще.

Я нашел терминал, из которого должна была выйти Ниночка, и стал дожидаться, когда пассажиров пропустят через таможенный контроль. Вообще в этом времени особых проблем ни с таможней, ни с визовым контролем нет совсем никаких. Эдакая аэропортовая невинность. Это потом – рентгенаппараты, досмотры с раздеванием до трусов, металлоискатели и часовые очереди на пропуске пассажиров. Сейчас – стойки с пограничниками, пара вопросов, а то и без них, – хлопок печати по странице паспорта, и вот – ты в великой стране, которая ждет и надеется, когда в нее съедется всякая шваль. Ибо своих придурков не хватает, надо собрать их со всего мира.

Ну да, злой я. Но и справедливый. Только совсем уж несведущий человек не знает, что Штаты населены потомками тех, кому не было места в своей стране, – беженцев всех мастей, начиная с отъявленных бандитов и бродяг и заканчивая авантюристами, мечтавшими разбогатеть в стране, в которой пока что не

действуют никакие человеческие законы. Надо только перестрелять коренных жителей этой страны – и заживешь, как и не снилось тебе в самых лучших твоих снах. И перестреляли. Вот только не зажили.

Нет, ну так-то кое-кто и зажил, как мечтал, – но совсем не все. Основная масса жителей США бьется за существование и не мечтает о белых «Кадиллаках» и яхтах.

Впрочем, не они одни. Не надо идеализировать ни один политический строй. И уж точно не может служить идеалом эта страна, паразитирующая на печатном станке. Я все-таки уверен, что, если все будет идти так, как в 2018 году, – США в конце концов лопнет, как грязный мыльный пузырь. Можно говорить, что это произойдет не скоро, что до тех пор все остальные передохнут («Пока толстый сохнет – тонкий сдохнет!»), но то, что это произойдет, не сомневается почти никто – кроме совсем уж упертых «онолитегов».

Ниночку я заметил не сразу. Она затерялась в толпе – шла между здоровенным толстым мужиком, за пузом которого, наверное, могли бы спрятаться две Ниночки, и пожилой дамой в шляпке с вуалью, выглядевшей сущим пережитком прошлого в своем старомодном пальто и кружевах.

Выглядела Ниночка так… по-советски, что я даже улыбнулся – вот же нарядятся, хоть стой, хоть падай! Под пальто цвета запекшейся крови кримпленовый костюм – помню, такой был у мамы. Модно, чего уж! Или не костюм, а платье… в общем, жуткая сиреневая штука с имитацией клапанов над несуществующими карманами. «Жуть и мраки!» – как говорил мой друг детства Яшка.

На ногах – туфли «прощай молодость» на широком пятисантиметровом каблуке. Ох уж эти советские моды семидесятых годов! С одной стороны, вроде как и мимимишное, ретро, «мамино», а с другой – уродство уродское! Вот, кстати, Зина, моя бывшая подруга – умеет одеваться так, что ее одежда и обувь на все времена. Прошла бы по городу в 2018 году – скорее всего, никто бы и не заметил, что она одета как-то не так. В чем дело – даже и не знаю. Хотя… а может, и знаю – она ведь отоваривается со спецскладов и выбирает все самое элегантное, самое красивое – без оглядки на последний писк моды. А вкус у Зины практически безупречный. Все-таки доктор медицины, профессор, преподаватель мединститута! Впрочем, можно быть профессором и совершенно не иметь вкуса на одежду и обувь. Одно другому не мешает.

Профессор, профессор… почему не профессорша? Или профессорша – жена профессора? Глупо как-то звучит. Не по-русски. «Продавщица». «Врачиха». Мда… профессиональная деформация, чего уж там.

Ниночка меня не заметила, медленно дошла до круга, на котором должны были вскорости объявиться разнообразные чемоданы и чемоданишки, и застыла, глядя перед собой в пространство. Лицо грустное, даже какое-то бледное. Может, заболела? Чего она так переживает? Ведь это Великое Приключение для любой советской девушки! Приехать в Америку – да много ли советских людей могут похвастаться таким мегаприключением?! А тут…

– Попалась! – Я подошел сзади и обнял Нину за плечи. Девушка вздрогнула, шарахнулась, а потом обмякла в моих руках:

– Ох… напугал-то как! Ну нельзя же так подкрадываться! Я думала, ты меня не встретишь… расстроилась.

Ах вон оно что… не заметила меня в толпе встречающих и переживала. Ну что же… ничего страшного. Скоро я тебя развеселю! И сам развеселюсь… У меня от предвкушения «веселья» аж дрожит все внутри! Соскучился я по Ниночке… не сказал бы, что я ее люблю до потери пульса, но что-то в душе есть – привязанность, дружеские нотки, ну и желание – это уж само собой. Ниночка не может не вызывать желания – ее даже эта дурацкая одежда с не менее дурацкими башмаками и шляпкой не испортили. Красавица потрясающая! Кстати, не менее красивая, чем Лаура. Только у той красота какая-то… опасная, яркая, жгучая, как… как… у ведьмы! Таких на кострах сжигали в Средневековье, чтобы не наводили морок на мужиков. У Ниночки красота домашняя, нежная, уютная. Какая лучше? Эта самая красота? Да кто знает – какая лучше, мне лично – Ниночкина. Пабло вот предпочитает красоту Лауры – он и сам как хищник, опасный, как леопард. На каждую женщину есть свой мужчина, который полюбит и будет носить на руках. Если поднимет, конечно.

Я чмокнул Ниночку в губы, она прижалась ко мне, и я почувствовал… в общем – почувствовал. Домой! Хочу – домой! Хмм… вдруг обнаружил, что при слове «дом» в голове всплывает образ моего поместья в городке Монклер. И мне стало досадно. Быстро я как-то привык к чужой земле! Уже, видишь ли, и дом на ней мне видится родным домом! Не нравится мне это…

– Это твоя машина?! – Ниночка натурально вытаращила глаза, глядя на великолепие моего белоснежного «сарая»: – Вот это да! Ничего себе! А как называется?

– Называется – машина! – хохотнул я, и открыл багажник. – «Кадиллак» это. Садись!

– А можно… открыть верх? – Ниночка неловко устроилась на сиденье и потянула ремень, пристраивая его в крепление. – Я никогда не ездила в машине с открытым верхом!

– Кабриолет называется! – важно сообщил я, чувствуя себя миссионером, просвещающим темного индейца о происхождении мира. И нажал кнопку открывания верха.

Я обожаю кабриолеты. Я это понял, когда в первый раз проехался в автомобиле с открытым верхом. Если кто-то думает, что на скорости из машины с открытым верхом сразу же выдувает все, что находится в салоне, включая водителя и пассажира, – он жестоко ошибается. Лобовое стекло и боковые стекла, поднятые вверх, направляют поток встречного воздуха так, что он едва касается волос тех, кто сидит на передних сиденьях, завихряясь сзади, на уровне багажника. И… кайф! Это кайф! Над тобой – небо! Ветер целует тебя в макушку, а тяжелая машина, шелестя мягкими шинами, вспарывает пространство, ракетой проносясь по гладкому, как стол, автобану!

– Класс! – Ниночка заливается смехом, придерживая свою глупую шляпку, а я улыбаюсь и жму на педаль, подливая в ненасытную глотку мощной машины все новые и новые порции животворящего бензина.

При въезде в Монклер скорость пришлось сбросить соответственно дорожным знакам, и в городок мы въехали медленно и важно, вплыв в него, как некое подобие сухопутного крейсера. Эх, и здоровенная все-таки машинюга! Зверь, а не машина! Тихо сопит могучий движок, в салоне пахнет кожей и деревом. Эти машины делают из хороших материалов, это не одноразовые поделки двухтысячных годов – покатался и выбросил.

Погода стоит теплая на удивление – конец сентября, практически октябрь, а температура – почти как в конце августа прохладным днем. Впрочем, это и

неудивительно – все-таки сказывается близость океана, возле которого климат помягче, чем в глубине материка. А если еще на ходу включить печку на полную мощность да обдув в колени – сидишь, будто возле камина! Проверено! В том числе и сегодня.

Я свернул к обочине и остановился, не глуша движок. Нажал кнопку закрытия верха, дождался, когда штыри войдут в замок крепления на рамке лобового стекла, защелкнул рычаги, повернул ключ зажигания. Двигатель замолк, и я посмотрел на Ниночку, которая сидела молча и смотрела на меня.

– Ты здесь живешь? – удивленно спросила она, показывая на двухэтажный дом напротив, очень похожий на одну из «сталинок». – А мне сказали, ты живешь в своем доме!

– Кто сказал? – быстро спросил я.

– Махров говорил. И эти… комитетчики говорили.

– А еще что они тебе говорили?

– Ну… что тебе нужен секретарь и ты хочешь, чтобы я приехала к тебе. Что ты сейчас успешный писатель, и…

– Ну? Что еще?

– Что я должна уговорить тебя вернуться в Союз.

– Я почему-то так и думал. Пойдем в магазин, надо тебя переодеть. Купим тебе кое-какой одежонки.

– Я что, плохо одета? Не модно? Я столько денег вывалила за это барахло, и ты говоришь, что я плохо одета?!

– Для Союза – вполне нормально. А здесь ты будешь как белая ворона (зачем говорить, что просто мне не нравится эта кислотная хрень?). Купим тебе что-нибудь попроще и помоднее.

Я закрыл машину, и мы пошли в магазин, над которым была прикреплена вывеска «Одежда и обувь Уильямс». Обычные стеклянные витрины с выставленными в них манекенами, мужскими и женскими, взирающими на мир со своими обычными улыбками наблюдателей из иного мира. Не люблю манекены и никогда не любил, особенно после того как начитался Крапивина с его фантастическими романами. Ну, тот роман, где манекены гонятся за мальчишкой, и спасается он только тем, что бросает в этих чудовищ-терминаторов теннисный мячик, подаренный ему другом (если не ошибаюсь – девчонкой). Мячик пробивал манекены навылет, и они умирали. Брр… Кинговское «Оно» отдыхает!

– Хай! – Молодая женщина лет двадцати пяти – тридцати вышла к нам откуда-то из глубины магазина. – Что желают мистер и миссис?

– Мисс, – усмехнулся я. – Хай! Хотелось бы одеть мисс. Неброско, но модно и хорошо. На каждый день и на выход в общество. Сумеем?

– Конечно, сумеем! – воодушевилась девушка и тут же слегка увяла, осмотрев меня с ног до головы. Видимо, я ее не вдохновил. Не очень презентабельно выгляжу! Джинсы, джинсовая куртка, кожаные полусапожки – реднек, да и только.

– Уверены, что сумеете? – засомневался я. – Все-таки не Манхэттен.

– Манхэттен! – фыркнула девушка, – да у нас вещи гораздо более модные, чем на Манхэттене! По крайней мере – не хуже, чем там! Вы знаете, кто у нас тут, в Монклере, живет?! Миллионеры! Даже русский писатель есть! Слышали про таинственного русского писателя? Колдуна? Который голыми руками убил двадцать человек гангстеров? Вот тут, в Монклере живет! На окраине, в доме Поплавски!

– А кто такой Поплавски? – спросил я, стараясь не расхохотаться, что удавалось мне с большим трудом. Нина же стояла, удивленно хлопая ресницами, а когда услышала про искорененную мной преступность в количестве двух десятков человек – вообще выпала в осадок. У нее глаза сделались по плошке, хотя казалось – куда им стать еще больше? И так уже «и расплескались на пол-лица светлых глаз твоих синие лужицы».

– Вы не знаете, сэр? Поплавски держал у нас ювелирный магазин, а потом решил уехать в Канаду, к родне. Дом он тут построил, так этот дом долго не могли продать – очень дорогой, кирпичный. Поляки любят кирпичные дома, вот и построил так, как любит. А продать не мог! А русский взял и купил! Говорят, он сбежал от своего правительства – его хотели сжечь!

– Сжечь?! – искренне удивился я. – Зачем сжечь, если он писатель?! Почему сжечь?!

– Потому, что в России так принято! – с видом знатока важно кивнула продавщица. – Вот написал писатель что-то такое, что не понравилось их правителям-коммунистам, его арестовали, приговорили, собрали все книги и сожгли! А писателя живьем сжигают – на костре из его книг! Такой обычай! Да, да, мисс, не смейтесь! Я точно знаю – сжигают! Привязывают к большой железной палке и вертят над костром! Мне человек рассказывал, которому верить можно, – все так и есть! Ну, так вот этот писатель убежал из своей страны и стал жить здесь. Дом отремонтировал – теперь этот дом блестит как елочная игрушка! А сам писатель – отшельник, никуда не выходит, если только на машине куда-то выезжает, но окна всегда закрыты. А за продуктами ездит его прислуга – привратник Пабло или его жена Лаура. Только к ним и подойти страшно – Пабло весь в татуировках. Настоящий бандит! Как глянет – аж мороз по коже! А Лаура – красавица, как с картинки. Вот! Вот такой у нас знаменитый город! А вы проездом или живете тут?

– Живу тут. – Я улыбнулся и предложил: – Давайте все-таки вернемся к тому, зачем мы сюда пришли. Мне нужно одеть мою девушку – начиная с нижнего белья и заканчивая… в общем – с ног до головы. И не стесняйтесь что-то предлагать. Деньги не имеют значения.

Продавщица просто просияла! Слова «деньги не имеют значения» действуют на продавцов просто-таки магически. Особенно на американцев, которые прекрасно знают, что деньги имеют значение, и ох какое значение!

Мне тут же предложили посидеть на кожаном диване возле аквариума с морскими рыбами (хороший, кстати, аквариум! Интересно, кто им занимается? Не продавщица же), попить кофе, пока они с Ниночкой занимаются подбором одежды. От кофе я отказался. (Задрали этим кофе – везде: кофе! Кофе! Кофе! На фиг кофе! Чай! И лучше – зеленый! С лимоном! Тьфу на ваш кофе!)

Заняло это дело около полутора часов. Но скучно не было. Каждый наряд, который надевали на Ниночку, она мне демонстрировала, как на подиуме, прохаживаясь мимо меня походкой манекенщицы.

Примерно половину нарядов я забраковал – оставил только самые элегантные, без намеков на «кислотность», присущую нарядам современных модниц. Из вызывающих облачений оставил только короткие шортики с топиками – ну не могу с собой ничего поделать! Девушка в коротких шортиках и топике, обтягивающем грудь, вызывает у меня вполне естественное для мужчины желание… хмм… желание. Вот.

Обувь на «манной каше» и на широченных «копытах» отверг сразу и бесповоротно, сказав продавщице предлагать или туфли на шпильках, или вообще без каблуков. Нет, мода 70-х не для меня.

Можно упрекнуть меня в том, что вообще-то эту одежду будет носить Ниночка, а не я, и какое мне дело, что она носит? Но я не буду говорить о том, что вообще-то это барахло оплачиваю своими деньгами. И не буду говорить о том, что считаю «кислотные» моды 70-х верхом безвкусицы и глупости. Не буду по одной простой причине – кислотная мода не для богатых. Это выбор бедняков, которые желают выглядеть ярко и вычурно, желают, чтобы их все-таки заметили. Богатые люди одеваются элегантно, и, как ни странно, стиль их одежды не так уж и сильно меняется. Ну… если строго к этому делу не подходить. Вечернее платье – оно всегда вечернее платье и никогда не бывает «кислотного» цвета. Смокинг – он всегда смокинг. Ну и так далее.

Я лично вообще предпочитаю стиль а-ля Хемингуэй: джинсы, свитер. Ну – или клетчатая рубашка. Даже представить не могу себя в смокинге и уж тем более во фраке. Солдафон, что еще сказать.

К самому завершению нашего дефиле появилась еще одна продавщица, скорее всего, куда-то отходившая по делам. Эта была постарше, дама лет сорока пяти – холеная, хорошо одетая. Она поздоровалась с нами, спросила у «нашей» продавщицы, почему та повесила на двери табличку «Закрыто», и, с первых слов поняв, что именно происходит, стала помогать подбирать искомое барахло.

Наконец мы утонули в пакетах и коробках, и я решил – хватит. Хорошего понемножку! А то у Ниночки от счастья совсем голова кругом пойдет. Спятит,

проще сказать.

– Я могу расплатиться чеком? – спросил я, не очень ожидая, что мне позволят это сделать. Ну, кто я такой для них? Мужик в джинсе, реднек реднеком! А вдруг мои чеки не обеспечены? А я усядусь в свой кабриолет, и… вжжжик! Ищи-свищи!

– Конечно, сэр Карпофф! (Продавщица, которая нас встретила, придушенно охнула.) Конечно! Никаких проблем! Заходите еще! И вот что – я хозяйка магазина и сделаю вам скидку десять процентов. Можно я вывешу плакатик, что известный писатель Карпофф покупает одежду в этом магазине?

– Почему бы и нет? – ухмыльнулся я. – Можете даже мою фотографию повесить. Автограф дать?

– Конечно! Сейчас! Сейчас!

Женщина убежала куда-то в дальний угол, видимо, там был ее кабинет, а молодая продавщица, стоявшая рядом и не спускавшая глаз с меня и Ниночки, упавшим голосом сказала:

– Вот это вы меня разыграли, сэр Карпофф! А я-то распинаюсь, рассказываю вам про ваш дом! Ну и шутник же вы! И хоть бы словом показали, что вы – это вы! Сэр Карпофф, а можно… я вас поцелую?

Я смешался, не зная что сказать, – уж очень неожиданно! Потом поглядел на Ниночку, взгляд которой блуждал где-то в астрале, собрался отказаться, но продавщица шагнула ко мне, подпрыгнула и чмокнула в щеку:

– Теперь все подружки обзавидуются! Я с самим Карпофф целовалась!

И уже обращаясь к Ниночке, странным, вроде как тоскующим голосом сказала:

– Мисс, вы такая счастливая! Вы подруга самого Карпофф! Господи, как я вам завидую! Я бы для него… я бы для него… все бы сделала для него! (И внимательно посмотрела на меня – понял ли?)

Ниночка удивленно воззрилась на девушку, будто только сейчас ее заметила, поняла, что ей было сказано, и щеки Нины вдруг покрылись румянцем (к моему вящему удовольствию и смеху – не разучилась краснеть!). Но справилась с собой – улыбнулась и пожала плечами, ничего по этому поводу не говоря. Мол, что вышло, то вышло, о чем еще говорить?

Покупки нам до машины донести помогли. Не тяжело, но слишком много пакетов, да и дверцу открывать неудобно. И багажник. Да, пакеты загрузил в багажник, и место еще осталось. Это не машина, это какая-то шаланда!

Ниночка тут же порскнула на сиденье, а когда я сел за руль, грустно сказала:

– Ты знаешь, я, когда сюда ехала, думала – одета, как с картинки. Пусть знают, что советские не щи лаптем хлебают! И мы понимаем, как надо одеваться! А теперь чувствую себя… неловко. Мне кажется, что все на меня смотрят и говорят: смотри, какая смешная девушка! Вон что на себя напялила! И откуда такие берутся?! Из глубинки, наверное!

– А ты наплюй! – рассеянно посоветовал я, занятый совсем другими мыслями. – Меньше обращай внимания на условности. Кстати, если чем и отличаются от нас американцы, что сразу бросается в глаза, – им плевать на то, во что они одеты. Лишь бы было удобно. А страшное барахло, которое рекламируют в модных журналах, – это для особо продвинутых. Ну, типа как у нас – стиляги. Так не одевайся смешно, как стиляги, и все будет нормально!

До окраины, где стоял мой дом, мы добрались за пять минут. Машин мало, людей не особо много, о пробках тут и не ведают. Тем более что это место для миллионеров.

Да, тут нет ни бедняков, ни тем более чернокожих. Даже если чернокожие богаты. Это в двухтысячных черные будут селиться где угодно, лишь бы денег хватало, и не дай бог соседи скажут, что им не нравится соседство с черным рэпером, бывшим бандитом (или не бывшим), – их заплюют в газетах, карьера рухнет в глубокую пропасть. Плоды толерантности, ага. Здесь пока еще такого нет. Черные не селятся в кварталах белых богачей. И не потому, что это официально запрещено и ку-клукс-клан начнет жечь у их дома кресты (хотя в принципе и такое возможно), просто потому, что жить в поселке, где тебя не принимают, можно сказать, ненавидят, – это не всякому под силу. А скорее всего

– никому. Каждый должен жить там, где ему комфортнее, там, где общество состоит из таких, как он сам. Это аксиома.

Кстати, мне никогда не нравились охраняемые поселки, в которых в двухтысячных начали селиться всех рангов и калибров нувориши, нахапавшие денег при разграблении государственного имущества, стыдливо именуемом приватизацией. Более бесстыжих, более наглых и снобских тварей представить на самом деле невозможно, и когда эти твари еще объединяются в определенных местах, в поселках – получается что-то вроде кубла змей. Они ревниво следят за тем, какую новую машину купил сосед, какое платье и драгоценности надела соседка, и люто завидуют, поливая соседей у них за спиной грязью и помоями.

Помню, в новостях 2018 года прошла информация о скандале и судебных делах в охраняемом поселке одного из «нефтяных» сибирских городов, где поселились те, кто плотно уселся задницей на нефтяные и газовые трубы, волей судьбы и беспредельной наглостью захватив себе один из небольших «краников», приделанных к большой нефтяной Трубе, питающей новую Россию. Ну, так вот: каким-то образом в этот поселок попала пара семей преподавателей университета. И случилось так, что местные нувориши стали сживать их со свету, пакостя всеми возможными способами, начиная от принятых на общем собрании финансовых вливаний в поселок, которые преподаватели не могли потянуть (денег-то таких нет), и заканчивая перекрытием им въезда в поселок и отрезанием коммуникаций.

Я оставляю в стороне то, как и зачем эти самые преподаватели втиснулись в поселок с «дерьмоэлитой», ну вот попали туда, и все тут. Знаю одно – ничем хорошим все это не закончится. Или они продадут за копейки свои дома и оттуда уйдут, или вообще бросят свою недвижимость, не в силах ее продать (кому нужно заселяться в такой гадюшник-поселок?!). Или какой-нибудь из отчаявшихся преподов возьмет и перестреляет обидчиков из своей «сайги». Впрочем, последний вариант, скорее всего, не пройдет. Слабенький народ интеллигенция!

За глухим забором моей резиденции не видно ничего на территории поместья – от слова «совсем». Поляки, хоть мы их и шибко не любим, – близки нам по менталитету. Возвести гигантский кирпичный забор, «штобы ни одна сволочь!», – это по-нашему. Американцы, те все больше строят дома на крохотных участках, и никакого забора – газончик, и больше ничего. В плане

безопасности – абсолютный ноль, особенно учитывая тот факт, что стены и перегородки не то что простреливаются навылет даже из легкого стрелкового оружия, их даже кулаком можно пробить. Если, конечно, не жаль этого самого кулака. А вот мой дом из «калашникова» не расчехвостишь, три кирпича толщины – это вам… не это! И кирпич керамический, красный, а не всякая там чушь из прессованного песка и известки. Хороший дом. Дорогой дом. В какие деньги он мне обошелся вместе с его ремонтом и переделкой – лучше промолчу.

Кстати, насчет денег – я насчет них как-то и не «парюсь». Денег у меня полно, как говорится – куры не клюют. После того как заключил договор напрямую с издательством Страуса, деньги на мой счет текут рекой. Мою серию «Нед», переведенную на английский язык, издают и переиздают. Мой первый роман из серии «Гарри Голдмен» не успевает сойти с ленты, как его хватают книготорговцы и отправляют на встречу с читателями, среди которых просто началась истерия «гарримании». Я читал газеты, в которых описывали, как люди дрались в магазине из-за последней книги «Гарри Голдмена», как у женщины стало плохо с сердцем, когда кто-то выхватил у нее из-под руки последний экземпляр моей книги.

Честно сказать – сам не понимаю, как такое случилось. Нет, не инфаркт несчастной женщины – вот эта самая истерия по моим книгам. Нет, ну так-то я просчитывал ситуацию, знал, что мои книги будут популярны – если они популярны в СССР, почему им не быть популярными и в США? Хотя и не факт… Но чтобы вот ТАК?! Чтобы, как на концертах Пресли, кидались трусиками и лифчиками?! Условно, конечно, хотя… судя по поведению сегодняшней продавщицы…

В общем, я богат и буду еще богаче. Гораздо богаче. Во-первых, я умудрился вывезти из Союза редкие старинные драгоценности, например бриллиантовый орден Андрея Первозванного. И сдал эти драгоценности на аукцион «Кристис». В ноябре их выставят на торги. И это принесет мне как минимум десяток миллионов долларов.

А еще моего «Гарри» будут экранизировать. Впрочем, как и «Неда». По «Неду» договоренности достигнуты и уже актеры подобраны. Скоро, кстати, я посмотрю, что за актеров подобрали. В том числе посмотрю и на тех, которых я подбирал сам. На роль Неда – Стивена Сигала. Он сейчас молод, интересно будет на него посмотреть…

А вот по «Гарри»… По «Гарри» я встречался с руководством «Уолт Дисней», с самим ее директором. По большому счету, все условия мы уже заранее оговорили со Страусом, который выступал в качестве моего агента, но, как это было уже не раз, потребовался лично я – руководству «Уолт Дисней Компани» нужно было посмотреть на меня и определить, стоит ли делать фильм по моей книге.

Вот до сих пор не могу понять – какого черта смотреть на МЕНЯ?! Ты что, не можешь прочитать или хотя бы просмотреть материал, по которому собираешься ставить картину? Ну ЧТО такого можно увидеть во мне, чего разглядеть, чтобы стало ясно – да, это та книга или тот фильм, который будет пользоваться спросом?! Загадка! Однако что есть, то есть.

Заехал за мной Рон, который уже и не секретарь мне, но как бы так «по привычке» решает мои дела. То, что он связан со спецслужбами США, я понял с первого дня нашего общения. Что, впрочем, никак не повлияло на наши отношения, которых, по большому счету, не было и быть не могло. Вот с Пабло у нас что-то вроде дружбы – пока осторожной, недоверчивой, но дружбы. С Роном – просто деловые отношения, как если бы мы работали в одном офисе и делали одно дело – вполне доброжелательно относясь друг к другу. Честности ради могу сказать, что Рон пытался перейти границу «офисного приятельства» – приглашал меня в гости, звал выпивать и говорить по душам. Но я мягко и неуклонно пресекал эти попытки. Почему? Потому, что я не верю Рону. Он меня уже подставлял – дважды. Один раз подставил на соревнованиях по рестлингу, вынудив помимо моей воли участвовать в представлении, и второй раз, самое главное – устроил встречу с представителями американской спецслужбы, вынудившими меня взять у них деньги за сотрудничество. Иначе бы мне просто не дали жить и работать в США. Те явно засняли факт передачи на пленку и теперь спокойно могут меня шантажировать, требуя… чего-то. Чего именно – я пока не знаю. К секретам не допущен, в КГБ не работаю. И не секретный инженер. Сдается, завербовали меня так, на всякий случай, впрок. Всегда хорошо иметь в загашнике вербовку какой-нибудь большой «звезды», мало ли зачем это пригодится. Опять же – можно сказать, что ты провел вербовку русского писателя, так чем это плохо? Палочку в ведомости можно поставить! Ей-ей, наша спецура и американская в этом плане мало чем отличаются. Показушники и «палочная» система.

Глава великой компании «Уолт Дисней» ждал нас в своем кабинете и даже вышел навстречу, демонстрируя свое величайшее уважение к такому большому

писателю, как я. Впрочем, «даже» здесь неуместно. Американцы за редким исключением ради дела будут пожимать руки, изображать радость от встречи, даже если перед ними будет стоять сатана. Это потом они протрут руки спиртом и скажут, какой отвратительный говнюк к ним приходил, но сейчас, во время переговоров, друг и брат, и никак иначе.

Мы расселись вокруг столика в углу огромного кабинета под какими-то экзотическими растениями, и я вдруг с ностальгией вспомнил уголок кабинета Махрова, то, как мы с ним пикировались, обсуждая наши дела, и у меня защемило сердце – а ведь навлек я на него неприятности! Обещал, что никаких проблем не будет, а ведь будут, точно будут! Или я не знаю наших спецслужб. Ты поручался за человека? Ты писал на него характеристику, обещал, что он вернется в страну? Вот и огребай теперь за свои обещания! В следующий раз будешь умнее и научишься разбираться в людях! Если он будет, этот следующий раз.

Нет, Махрова не расстреляют и не станут поджаривать над костром, как это предположили бы простые американцы. Ему просто прижмут карьеру. Дальше главного редактора издательства он теперь никуда не двинется, и хорошо, если вообще удержится на своем редакторстве.

Жив буду – я ему компенсирую принесенные проблемы. Если бы не он – я бы не добился таких результатов. Я бы не выехал в Штаты и не заработал таких денег.

Кстати, свалить бы отсюда, из Штатов… куда-нибудь на Корфу! Туда, где жили Дарреллы, туда, где рай на Земле. Вот закончу с фильмами, с книгами серии «Гарри», может, и рвану на Корфу. Кто мне мешает?

А сейчас там хорошо… Даррелл в 1956 году издал свою книгу «Моя семья и другие звери», после чего на Корфу начался туристический бум, но пока что туристов не такое количество, как стало потом, в 2018 году. Сейчас на острове сравнительно тихо и спокойно. И… очень хорошо.

Рою Диснею 41 год. Он родился в 1930 году и возглавил компанию после смерти своего отца, можно сказать – недавно, четыре года назад. Я читал про него и знаю о нем достаточно, чтобы понимать, с кем вообще-то говорю. Рой начинал с помощника режиссера в этой же компании и знает работу лучше, чем кто-либо здесь работающий. А может, и вообще – лучше всех служащих кинокомпаний

Голливуда. Он один из немногих, кто сумел удержать компанию от крупных провалов, Рой чувствует, что надо делать, и требует, чтобы продукция, выданная компанией, была только самого высшего качества.

Еще я помню, что Рой страстный поклонник парусного спорта, яхтсмен, но увы – в этом отношении мне лично похвастаться нечем. Моряк из меня никакой. Максимум, о чем я могу поговорить, – это о моторных лодках и катерах, ведь мое детство прошло на Волге и я прекрасно знаю эту тему. Даже своя лодка была – «Казанка2М» с мотором «Ямаха-40 Эндуро». Замечательная редкая лодка, сделанная по финским лекалам и держащая волну до 80 сантиметров высотой. Ее чертежи фактически украли у финнов, и они через суд заставили СССР прекратить выпуск этой лодки. И очень жаль: «Казанка-2М» – лодка класса река-море, а таких у нас практически не выпускали.

А вообще мне всегда нравились яхты. Парусные яхты! Представляю, как должно быть хорошо: свист ветра в снастях, плеск волн и нос яхты, вспарывающий прозрачную морскую воду! Ей-ей, когда-нибудь научусь управляться с парусами и куплю себе яхту!

Рой Дисней мягкий, интеллигентный человек, что в обществе кинодеятелей, можно сказать, редкое явление. Эти акулы кинобизнеса отличаются бессовестностью и наглостью, смешанными с презрением к хорошим манерам и всему человечеству. Этот человек совсем другой. Но что он хочет от меня? Ведь он в Нью-Йорк приехал ради встречи со мной, а, на минуточку, – штаб-квартира «Уолт Дисней» находится в Бербанке, округ Лос-Анджелес! Рою пришлось лететь сюда на самолете несколько часов!

Начал разговор Страус, который пришел сюда со своей неизменной секретаршей Пегги Миллер, которую незнающие люди принимали за его жену. Да и немудрено – где Страус, там и Пегги, где Пегги – там и Страус. Пегги не раз прозрачно, едва не впрямую предлагала мне с ней переспать (явно с разрешения Страуса – вот такие у них нравы, да!). Но я мягко и неуклонно ускользал из ее раскрывшихся объятий. К черту их перекрестное опыление! Ладно еще со Сьюзен переспать, без женщины трудно жить молодому здоровому мужику, но чтобы еще и Пегги? И чтобы Страус радостно наблюдал за нашими «упражнениями»… тьфу.

Но и Сьюзен меня уже достала. После того как она стала предлагать пригласить в нашу постель еще какую-нибудь парочку или мужика поздоровее и погрубее –

типа моего Пабло, – мне резко расхотелось с ней кувыркаться. Не потому, что я такой весь из себя «облико моралес», хотя свою женщину точно никому не отдам, – просто существует шанс что-нибудь подцепить от любвеобильной Сьюзен, и ладно бы какой-нибудь «гусарский насморк» – ВИЧ появился не вдруг и не в 90-е годы. И сдохнуть от СПИДа мне никак не улыбается.

– Итак, господа, познакомьтесь – это Майкл Карпофф, по книгам которого предполагается снять сериал, а это Рой Дисней, великий глава компании «Уолт Дисней». Майкл, чтобы не было лишних вопросов и чтобы не отнимать время ни у тебя, ни у Роя – все вы очень занятые люди, – сразу поясню: мы пришли к некому предварительному соглашению, в котором учтены все твои пожелания. Но прежде чем подписать договор, Рой хочет поговорить с тобой, выяснить твои намерения и вообще познакомиться с тобой гораздо плотнее. Ради этого он оставил свои дела и прилетел в Нью-Йорк. Итак, Рой, вот тебе автор – давай, доставай из него информацию!

Рой усмехнулся, и его некрасивое лицо стало даже симпатичным. Странное дело – улыбка почти всегда делает человека красивее, чем он есть на самом деле. Почему так – я не знаю. Но видел, и не раз, как некрасивые женщины становились вполне себе миленькими, стоило им начать улыбаться. Особенно если перед этим ты выпил и не был с женщиной не менее месяца…

– Если быть совсем откровенным, в Нью-Йорк я прилетел не только ради встречи с Майклом. – Глаза Роя смеялись. – Тут у меня кое-какие финансовые дела. Но почему нельзя совместить несколько дел? Майкл, я предлагаю отбросить условности и говорить, как два давних, хороших приятеля. Это ускорило бы дело. Итак, Майкл, сколько книг из этой серии ты собираешься написать?

– Семь. Семь книг. И… приквелы. Если захочу.

– То есть? – Рой улыбнулся. – Как это: «если захочу»?

– Герои надоедают. Серию можно тянуть и дольше – десять, двадцать, тридцать книг! Но после седьмой-восьмой книги начинаешь ненавидеть героя. Тебе надоедает этот сюжет, и тебе хочется чего-то нового, свежего. Потому я не знаю, смогу ли написать еще и приквелы. Я уже знаю, чем закончится седьмая книга моего «Гарри», так что… пока на седьмой книге все завершится.

– Майкл, ты уверен в успехе твоих последующих книг по этой серии? И как ты думаешь, фильм будет иметь успех? И еще – кого ты видишь режиссером своего фильма?

– Начну с последнего вопроса. Лукас. Я хочу Лукаса! Я думаю – он сможет. Даже не так: я уверен, что Лукас сможет. И вообще, вы присмотритесь к нему. У него великое будущее.

– Я слышал, что ты что-то вроде колдуна-предсказателя, – усмехнулся Рой. – Волшебник! Ты правда можешь предсказывать будущее?

– Иногда, – тоже улыбнулся я. – Только тем, кто мне интересен. Друзьям.

– Вот как? – Дисней откровенно забавлялся. – Надеюсь, ты держишь меня в числе своих друзей. Можешь предсказать мне мое будущее? Например – сколько я проживу? Когда умру и от чего?

Я серьезно смотрел в глаза этому человеку, с лица которого медленно сползла улыбка, и думал о том, стоит ли ему что-то рассказывать? Самим своим рассказом я изменю будущее, и оно уже не будет тем, которое я знаю. Впрочем – а ради чего я сюда послан? Не для того ли, чтобы менять будущее? Вот только вопрос в том, будет ли это МНВ правильным? Ведь каков главный принцип врача? «Не навреди!»

– Рой, а ты в самом деле хочешь знать, когда умрешь? И от чего? Представь: я тебе сказал, и ты знаешь. Не будешь ли ты потом каждый день считать оставшиеся до смерти дни? Не сойдешь ли от этого с ума?

– Ты серьезно? – криво ухмыльнулся Рой. – Ты говоришь серьезно? Ты можешь предсказать мне дату смерти?

– Могу, – пожал плечами я, продолжая глядеть в глаза Диснею. – Но не хочу. Это было бы с моей стороны слишком жестоко.

Рой вдруг захохотал, вытирая глаза запястьем, смеялся секунд двадцать, потом извинился за свою несдержанность и сокрушенно помотал головой.

– Да, Майкл, ты умеешь заинтриговать! А раз ты все знаешь, скажи, что сейчас беспокоит меня больше всего в жизни?

– Работа, конечно, – без паузы ответил я. – Ты скучаешь. Вначале ты был рад встать во главе компании, считал, что тут же ее подымешь на самый верх, но потом убедился, что с тем коллективом, который сложился в компании, сделать это очень трудно, а может, и невозможно. Вот только уволить их ты пока что никак не решаешься. Ведь эти люди проработали в компании много, очень много лет. А еще – кое-кто из них твои родственники…

Рой смотрел на меня широко раскрыв глаза, а когда я закончил, недоверчиво помотал головой:

– У тебя шпион в нашей компании? Где ты раскопал эту информацию?

– Я же колдун, Рой! – Теперь рассмеялся я, косясь на Страуса. Похоже, что происходящее Страусу нравится. Точно, нравится – он мне даже незаметно подмигнул, мол, действуй в том же духе.

– Рой, я тебе гарантирую – ты не пожалеешь, что с нами связался! – вмешался Страус, наклонился вперед и посмотрел в глаза собеседнику. – Это будет суперхит! Мы заработаем на нем огромные деньги! А компания будет обеспечена на годы вперед! Поднимется выше всех!

– Ты, случайно, не увлекаешься парусным спортом? – внезапно спросил Рой, не обратив внимания на слова Страуса. – Я слышал, ты стрелок и боец, даже в боях рестлинга участвовал?

– В рестлинге – случайно, – ответил я, досадливо морщаясь и покосившись на Страуса, – да, стрелок и боец. Парусным спортом… нет, увы… никогда не занимался. Но мечтаю об этом! Вот разбогатею с вашей помощью, куплю себе большую океанскую яхту и буду на ней ходить по морям, под парусами! Это моя мечта.

– Вот как? Хорошая мечта! – Рой открыто улыбнулся, кивнул: – У меня есть очень хорошая яхта. Не хочешь как-нибудь приехать, прокатиться со мной вдоль побережья?

– Почему бы и нет? Когда скажешь! – Я довольно кивнул. Идея и правда мне понравилась – покататься на яхте мне хотелось. – Только вот, наверное, не сезон…

– Октябрь – самый лучший месяц для прогулок. Тепло, солнце – я тебе позвоню, приезжай в гости. Можешь прихватить какую-нибудь подружку. Или один приезжай. Я тебе покажу, что такое настоящая яхта!

– Буду ждать звонка, – улыбнулся я.

– Хорошо. Но вернемся к нашим делам. Итак, Майкл, я готов подписать договор при одном условии.

– Каком? – Я сразу насторожился.

– Ты сыграешь в этом фильме Сириуса Блэка.

Бам! Как подушкой по башке! Вот этого только мне не хватало! Страус! Точно, это он!

– Роджер, твоя работа? – укоризненно помотал я головой. – Откуда Рой знает про Блэка?

– Ну… моя! – не смутился Страус, довольный, как свинья, нашедшая грязную лужу. – Почему бы и нет?! Писатель, который сыграл роль в фильме, сделанном по его книге, – да что может быть лучшей рекламой?! Тем более что ты похож на своего героя как две капли воды! Тебе и денег заплатят! Сколько дашь ему за роль в фильме, Рой?

– Пятьсот тысяч, – усмехнулся Рой. – Очень достойная оплата! Ведь мы еще не знаем, как Майкл сможет сыграть. Соглашайся, Майкл. Ты убьешь одним выстрелом двух фазанов – и книгу экранизируем, и денег на актерстве заработаешь. Разве ты не хочешь стать актером?

– Честно сказать, и президентом США тоже никогда не думал становиться, – искренне признался я, – как и актером. И не знаю, что у меня получится. Потому – вы рискуете.

– Да не очень-то и рискуем, – «успокоил» Рой. – Если ты совсем уж бездарь в актерской игре – заменим на профессионального актера. А если у тебя есть хоть какая-то искра актерского таланта – хороший режиссер раздует ее до пламени, и глядишь – станешь настоящим актером! А если фильм пойдет в прокате… если ты сыграешь как следует… сумма гонорара может быть увеличена.

– Я согласен. Но только потом не тычьте меня мордой в стол, мол, актер из тебя, как из дерьма пуля! Сделаю все что смогу.

– Вот и хорошо, – мягко сказал Дисней и, встав из кресла, протянул мне руку. – Я рад знакомству. Ты интересный человек, Майкл. Думаю, у нас все получится.

* * *

– ЭТО твой дом?! – Нина смотрела сквозь открытые ворота на мое двухэтажное чудо открыв рот, от чего ее пухлые губки выглядели невероятно соблазнительно. Так и захотелось впиться в них, прижаться всем телом к ее телу и…

Вчера позвонил Сьюзен и сообщил, что наши сексуальные игрища закончились. Что приезжает моя девушка, и… ну, понятно. Сьюзен отреагировала на удивление спокойно, без ругани и упреков. Но в своем репертуаре. Сообщила, что надеется – мы с ней остались друзьями. А еще – если нам понадобится в постели третья – она готова к нам присоединиться. Я даже едва не хихикнул – с трудом сдержался. Эту женщину не переделать!

– Это тот… бандит? – Ниночка смотрела на Пабло, который вдруг вырядился как настоящий мачо – только сомбреро не хватает. Видать, решил встретить подругу босса, так сказать, во всеоружии.

– Он не бандит, Нина, – фыркнул я. – Он бывший боксер. А вон его жена Лаура… правда, красивая?

– Ух ты… какая она красавица! Она красивее меня! – последнее Ниночка произнесла упавшим голосом и покосилась на меня, будто подозревая в связи с этой красоткой. Дурочка! У меня с самой юности есть одно важное табу: девушки, жены друзей неприкосновенны! Я даже в мыслях не позволяю себе

думать о той же Лауре как о сексуальном объекте. Только жена друга, только моя работница – и никак иначе.

– Хай, Нина! – почти без акцента сказал Пабло, и губы его (ух ты!) раздвинулись в улыбке: – Ты такая же красивая, как моя жена!

Я захохотал, и Ниночка с Пабло недоуменно уставились на меня. А я давился смехом и только секунд через двадцать смог остановиться и сказать:

– Ниночка, это самый лучший, самый крутой комплимент, который Пабло может сказать женщине! «Ты красивая, как моя жена!» И на моей памяти он впервые такое сказал!

Ниночка тоже засмеялась, и голос ее походил на колокольчик – звонкий, красивый… Прибежала Лаура – она вначале трясла руку Ниночки, потом не выдержала и бросилась ей на шею.

– Наконец-то! А то босс тут в одиночестве звереет от тоски! Мужчине обязательно нужна рядом женщина, иначе он становится зверем!

Мы вытащили наши покупки из машины и понесли в дом. А потом был праздничный ужин, и мы вчетвером сидели в гостиной – ели, смеялись, что-то рассказывали. Лаура изображала, как я учил ее готовить борщ, Пабло рассказал, как он сажал какие-то редкие цветы в зимнем саду (теплицу мы сделали за беседкой) и что они должны расцвести к Новому году.

И мне было хорошо. Давно не было так хорошо! Жаль, что хорошее никогда не бывает навсегда.

Глава 2

– Вот так… держи крепче… огонь!

– Ха! А ты думала – как в кино? Пиу-пиу? Это я тебе еще сорок пятый калибр не дал. Тот ствол у тебя просто бы из рук улетел. Сильно ушиблась? Ну… дай,

поцелую. Ну вот, легче стало?

– Легче, – Ниночка улыбнулась и осторожно потрогала припухшую губу: – Он лягается, как лошадь!

– А вот крепче надо было держать, я же тебе показывал! И вот так – в полуприседе. Тогда твое тело образует с пистолетом единое целое и амортизирует отдачу.

– А почему ты так не стреляешь? Ты просто вскидываешь и – бах! И всегда попадаешь!

– Это называется «интуитивная стрельба» и достигается многократными, тысячекратными повторениями. Я не целюсь, я указываю стволом на цель, и мой мозг производит вычисления, определяя расстояние, траекторию полета пули, учитывая мощность заряда, побочные факторы вроде ветра, дождя, температуры воздуха и даже степень изношенности ствола оружия.

– Это как так?! Как такое возможно?! Это фантастика какая-то!

– Ничего фантастического. Просто опыт, умение, интуиция. Именно потому и называется «интуитивная стрельба». То есть мне не нужно принимать какие-то позы, делать что-то особенное, чтобы попасть в цель. Я вижу цель и отправляю в нее пулю, а мой мозг, как вычислительная машина, делает все возможное для того, чтобы я попал. Ну, вот представь – ты берешь камень и бросаешь его в цель. Просто ведь, да, – взяла камень, подняла его, замахнулась, метнула. И попала. А ты осознаешь, сколько при этом ты сделала вычислений? Рассчитала расстояние, взвесила на руке снаряд, отправила его в цель по дуге, рассчитав так, чтобы ему не помешало земное притяжение. И тогда чем отличается стрельба от метания камня? Да по большому счету – ничем. Я тебе показывал, как я метаю ножи?

– Ты метаешь ножи? – Ниночка почему-то сильно удивилась.

– Метать-то их может каждый, – усмехнулся я, – но метать так, чтобы они попадали в цель и вонзались – вот это гораздо сложнее. Ну так вот, метаю ножи я очень недурно. Все, что можно метнуть, все, что втыкается в цель, – для меня не проблема. И тут принцип тот же – ты бросаешь, мозг контролирует,

направляет. Метнула нож двадцать тысяч раз – вот ты уже и попадаешь куда надо.

Ниночка потрогала револьвер, который лежал перед ней на столе, повернулась ко мне, покусала губу и чужим, глухим голосом сказала:

– Они хотели, чтобы я тебя убила.

– Но ты отказалась, – равнодушно пожал плечами я. – И тогда они ограничились тем, что ты будешь постоянно их информировать: что я делаю, где бываю, о чем говорю. Так?

– Так. – Ниночка всхлипнула. – Иначе бы они меня не выпустили! Я дала подписку!

– Что они тебе про меня рассказали?

– Что… что ты не хочешь возвращаться домой. Что тебя завербовали американские спецслужбы, но если ты вернешься – тебя простят и все забудут. Что я должна сделать все, чтобы ты вернулся в Союз.

– А чем обосновали мое убийство?

– Сказали, что, если не будет успехов, что если я увижу, что ты работаешь против родины, – я должна тебя убить. Но я сразу сказала, что делать этого не буду.

– А они что?

– Ты знаешь, самое интересное, что… ничего. Они будто ждали такого ответа. Даже не удивились. Взяли с меня кучу подписок, а еще сказали, что, если я не буду сотрудничать, маме будет очень плохо. Ее выгонят с работы. А может, даже и посадят – за пособничество предателям родины.

– Каким предателям, черт подери?! Что за глупости?

– Раз я не хочу сотрудничать, значит, автоматически становлюсь предателем родины. А мама мне помогает. Вот и…

– Чушь собачья! Это не 37-й год. Тебя просто пугнули.

Мы помолчали, а потом я спросил, в общем-то уже зная ответ:

– Ты ведь могла меня убить. Например – сейчас. Выстрелила мне в затылок, и все. Никаких проблем. Случайный выстрел. Такое бывает. Тебя бы выслали, на родине наградили, может, даже квартиру бы дали. Новую. Это легко – подняла ствол, нажала на спуск, и… все. Не думала об этом?

– Кем ты меня считаешь? – Губы Ниночки прыгали, она едва выговаривала слова. – Ведь я люблю тебя! Может, ты и правда запутался в чем-то, может, ты не понимаешь, что делаешь, но я все равно буду с тобой!

– Чтобы освещать мою деятельность? – криво усмехнулся я.

– Иначе меня просто бы не выпустили. А я должна была быть рядом с тобой.

– Зачем?

– Я же сказала – я люблю тебя! И я на все бы пошла, чтобы быть рядом с тобой! А эти все подписки… чушь собачья! Не буду я ничего писать! И звонить им не буду! Пошли они к чертовой матери! Ты бы знал, сколько они у меня крови выпили! Спрашивали, спрашивали, спрашивали… да все с подковыркой, все эдак с хитрецой – мол, скрываешь! Дошли до того, что начали узнавать, как мы с тобой… ну… в постели! Я не выдержала и матом их! Я матом не ругаюсь, а тут… сама не знаю, как вырвалось, – обложила их, как грузчик. Они были очень удивлены. Думала – побьют меня. Но не били. Только грозились.

Ниночка вдруг засмеялась, не выдержал и я – хохотнул. Потом прижал ее к себе, и так мы стояли с минуту – не двигаясь, ничего не говоря.

Люблю ли я ее? Не знаю. Наверное, нет. Желание обладать ей – да, на высшем уровне. Да и можно ли ее не хотеть? Эту спортивную стройняшку, эту мимимишную куколку, мечту любого мужчины за сорок! В свои двадцать лет она

выглядит максимум шестнадцатилетней, а при своей некоторой наивности внутри у нее, как оказалось, проходит стальной стержень! Сломать – можно. Согнуть – нет.

Обычная русская девчонка. Такие ползали перед окопами, собирая раненых, каждую секунду рискуя своей жизнью, такие часами лежали на нейтральной полосе, выцеливая вражеского снайпера. На таких женщинах и стоит, держится вся Россия.

Наверное, это нехорошо – жить с девушкой, зная, что у нас с ней нет никакого будущего. Что я, скорее всего, на ней не женюсь. Ведь я уже женат. Есть у меня жена, любимая жена – там, в прошлом-будущем, в 2018 году. Я так-то совсем не против двоеженства и всяких там гаремов (одна стирает, другая готовит, третья любит), но… не могу этого объяснить. Знаю, с Ниночкой мы все равно расстанемся. Будет у нее своя жизнь, молодой парень, который ее полюбит и которого полюбит она, но пока что вот так: ослепляющая страсть, желание, сравнимое со сходом лавины, и покой, когда теплое, гладкое, желанное сопит тебе в подмышку, и постоянно хочется ее погладить, как кошечку, прильнувшую к твоему боку.

Я уже давно вывел для себя формулу, которая помогает мне в жизни: жить нужно одним днем. Кто-то может понять это неправильно, но вот как я это понимаю: живи сейчас. Не потом, когда ты заработаешь денег и уж тогда-то заживешь! Не потом, когда ты накопишь еще больше денег и купишь ну совсем замечательную машину, а пока поездишь на этой, сортире на колесах. Нет. Так нельзя. Радуйся каждому дню – у тебя есть что надеть, обуться, крыша над головой, родня, друзья – радуйся! Живи! У тебя есть ВСЕ, что тебе нужно! А ведь «завтра» может и не быть…

Ну да, у кого-то там яхты по 20 метров длиной. Личные самолеты. Куча денег. Только вот в могилу они их с собой не заберут. Сдохнут они так же, как и ты, а может, и гораздо хуже – ведь болезни не разбирают. Даже миллиардер, который сменил десяток сердец, все равно помер, не оставив после себя никакой хорошей памяти – только зло и проклятия.

Но да речь не о том. Кто-то может спросить – а зачем этот идиот вытащил в США свою подружку, которую не очень-то и любит, если уж так пристрастно подойти к этому вопросу. И это при том, что черные банды точат на меня зубы, спецслужбы наворачивают вокруг меня круги – так зачем мне здесь Ниночка?

И я бы ответил: а ты хорошо подумал? Ты подумал о том, как она будет жить в СССР с клеймом подружки «врага народа»? Да, сейчас не 37-й год. Но это ничего не отменяет – затаскают, уволят со службы, карьеры не будет никакой. Она ЗАМАРАНА общением со мной. То же самое Махров – но с ним все сложнее. Ну так вот: Ниночка. Какое-то время «кровавая гэбня» будет уверена, что Ниночка истово и продуктивно «барабанит», рассказывая обо мне все подробности, вплоть до интимных. (А чего стесняться? Советский человек не должен стесняться условностей! Работа есть работа!) Потом, конечно, ее раскусят и потребуют вернуться. Только вот тут уже будет выбор: возвращаться или нет. Деньги-то мне на что, если я на них не могу устроить жизнь своих друзей? И своих подруг. Я ведь своих на войне не бросаю. Кстати, и не своих – тоже. Своего всегда вытащу, буду бороться за него до последнего. Врага – добью. И это нормально, это война. Вечная война! И я с нее не уходил.

А пословица дебильная. Кто ее придумал, я не знаю, но вы только вдумайтесь в смысл этого идиотизма: «Русские своих на войне не бросают!» А НЕ своих бросать можно? Ну то есть Федька мне друг, я его не брошу. И с Васькой вчера из консервной банки спирт разведенный пили – это свой. А вон тот, из третьего взвода – нах… он мне нужен? Он же не свой!

Если бы люди почаще вдумывались в свои слова, в мире точно поуменьшилось бы глупости.

Почему я не вытащил сюда Зину? Во-первых, потому, что она бы просто-напросто не поехала. Помню, как мы с ней расстались, – по ее, между прочим, инициативе. Я не знаю, что послужило причиной такого ее решения, причин может быть много, но факт есть факт – мне дали пенделя под зад, и полетел я с крыльца, как несчастный котенок, попавшийся под ногу пьяному хозяину. Но и не в обиде дело. Если бы знал, что ей угрожает опасность, – я бы вытащил ее любой ценой. Шантажировал бы наши «органы», интриговал, но увез сюда. Даже против ее воли. Уж нашел бы способ, как это сделать.

Только вот ей ничегошеньки не угрожает. Зина – профессор медицины, ученый (ученая?) с мировым именем! Это она сделала так, что моя память уподобилась интернету, из которого я могу вытащить все виденное и прочитанное мной за всю мою жизнь. Это она разработала методики по лечению психики больных людей, и эти методики используют светила медицины во всех странах – от Африки до Австралии. У нее научные работы опубликованы на десяти языках

мира! Или больше, чем на десяти.

В общем, на нее как сядешь, так и слезешь. Шум будет до небес. Потому ее трогать побоятся. Так, пожурят слегка, допросят – только ей на это плевать. Зина – боевая баба, войну прошла, под бомбами оперировала, ранена и награждена. Что ей какие-то там гэбэшники?! Я ее хорошо знаю – она бесстрашна, как коза, взбирающаяся на скалу. И умна, как… как доктор наук, профессор медицины!

Махрова сюда вытащить? А зачем? Он тут зачахнет. Дома у него любимое дело, издательство, которое он поднял до самых что ни на есть высот (не без моей помощи, между прочим!). План он выполняет и перевыполняет, а то, что какой-то там пригретый им писатель отказывается по свистку органов возвращаться на родину – так он-то при чем? Вы с писателя и спросите. Махров его заставлял остаться на чужбине? Нет! Ну и отвалите. Леха Махров тоже – как сядешь на него, так и слезешь. Вернее – скатишься кувырком.

В общем, если кому и могли принести неприятности мои зарубежные экзерсисы, так это Ниночке. Вот я ее и вытащил. Тем более что очень этого хотел чисто по-мужски – трудно долго жить без подруги. Не вечно же со Сьюзен или Пегги устраивать секс-марафоны…

А еще был и некий прагматичный интерес совсем даже в другом плане: через Ниночку я косвенно могу понять, какой именно интерес ко мне у наших родных спецслужб, почуять, чем все это пахнет. И теперь четко вижу – пахнет здоровенной подгнившей кучей дерьма. Вот зачем они пытались заставить Ниночку меня уконтрапупить? Типа – уговаривали ее! Ведь ясно было, что она на это дело не годится: и не обучена, и морально не подготовлена, и просто – она совсем другой человек! Не способна она вот так подойти к своему товарищу, своему любовнику и воткнуть ему отравленную иглу в какое-нибудь укромное место!

Кстати, иглу она мне отдала – сразу же после того, как мы остались одни. Интересная такая игла – в колпачке. Царапнул ей – и как минимум паралич обеспечен. Ну а если воткнул – то все, кранты! Какой-то биологический яд, разрушающийся в теле жертвы за считаные минуты. Но при этом успевающий лишить жертву всяческих надежд на дальнейшее пребывание в этом мире. Остановка дыхания, сердца, паралич конечностей – весь приятный набор последствий этого укола. «Зачетный» яд, точно! И кто там говорит, что предки

были неизобретательны и не умели устранять противников? Умели только ледорубами бошки проламывать? Вот вам пример – яд, который не оставляет следов! (Ниночка рассказала – ей популярно объяснили.)

Нет, так-то я читал о подобных ядах, но думал, что они появились только в двухтысячных годах, но чтобы в 1971 году? Хотя… из глубин головы тут же всплывает: «рицин». Точно, болгарского писателя диссидента Маркова грохнули совсем недавно – в конце шестидесятых годов. Зонтиком прохожий кольнул, вот и нет диссидента. Нет человека – нет проблемы.

Кстати, это не Сталин сказал. Это фраза из романа «Дети Арбата». Сталин ее никогда не говорил.

Понаприписывали Усатому столько, что аж завидно – надо же таким эпическим злодеем выставить человека, самый злодейский из злодеев! Как Иван Грозный, якобы убивший своего несчастного сына, помершего по дороге в монастырь, ибо был сильно болен. Ну да, как обычно – «англичанка гадит». Как только у нас на Руси появляется «царь», которого можно назвать великим, так и столько на него дерьма выливает просвещенная Европа, что он просто тонет под слоем нечистот, брошенных в него леди и джентльменами. И правильно! Я их понимаю! Зачем им великий русский лидер?! Зачем им Сталин, Грозный или Путин? Им нужен бесхребетник-болтун вроде Горбачева или самовлюбленный алкаш вроде Ельцина, при которых так удобно грабить погрязшую в нищете Россию.

Помню я 90-е, ничего не забыл! Тогда чуть не сорвался и не начал отстреливать гадов! Только мысль о том, что жена с дочкой без меня будут страдать – вот что остановило. Все равно бы меня вычислили и убили. Даже в хлам разрушенные, разогнанные мразью Бакатиным спецслужбы все еще работали и дело свое знали. Не все в них занимались только крышеванием и грабежами предпринимателей. Были люди и идейные.

Впрочем, сейчас не о том. Сейчас вот об этой девчонке, которая, похоже, не понимает, что она здесь вообще делает. Здесь – это у меня дома, в США, город Монклер, поместье Майкл Карпофф.

Итак, мысль у меня сразу возникла вот какая: Ниночка – это предупреждение. Вроде черной метки. Мол, это последний раз мы тебе говорим: не вернешься – будешь убит. Типа передали мне приветик через Ниночку. Потому и про яд ей

рассказали – про действие его и все такое.

Да, и оставался кро-о-охотный шанс на то, что Ниночка вдруг спятит и все-таки меня убьет. Но он настолько низок, что не отличается от нуля. Но спецслужбы не упускают никаких возможностей, никаких шансов.

Кстати, я на них не в обиде. Делают свое дело, то, что им приказали делать. Иногда тупо делают, иногда виртуозно, но что точно они не делают – не занимаются крышеванием бизнеса и отмыванием денег. Ну нет пока что такого в «клятом Союзе»! Не воруют! А если и воруют, то могут так загреметь… по максимуму загреметь.

Я ничуть не идеализирую так называемый «совок», но порядок в нем все-таки был. Это при Путине в России навели кое-какой порядок, начались посадки особо наглых воров, бандитов, а было… просто вспоминать жутко. И казалось, эта пакость никогда не закончится. А ведь закончилось! Как-то незаметно все эти «бригады» перекочевали кто в тюрьмы, кто в больнички, а кто и на кладбища, в могилки. И кто это сделал? Да они же и сделали – «кровавая гэбня», вечно обруганная и клятая. Перестреляли и пересажали. Да я и сам к этому руку приложил. Десятка два авторитетов на мне висят. Не сам, по службе, конечно, но… висят. Но тсс! Тайна сия велика есть! Для обывателей. Ну и для тех, кто не посвящен.

Мысль научить Ниночку стрелять появилась у меня как-то сразу – после первой же долгой и жаркой ночи. Утром, когда я чистил зубы и стоял под струями в душе, в голову стукнуло – а почему бы и нет? Пусть учится стрелять! Рукопашный боец из нее аховый – при ее сорока пяти килограммах она может свалить такого, как я, только ударом в пах, и то если я буду спать, или прыгнув мне на голову с двадцатого этажа. А вот ствол – это да! Как там сказано? «Бог сделал людей сильными и слабыми, и только полковник Кольт уравнял их шансы»? Как-то так, в вариантах. Этот мне нравится больше.

Ну так вот: пусть Ниночка умеет стрелять. И не просто умеет стрелять, а я сделаю из нее телохранителя, который прикроет мне спину, пока буду принимать поздравления от благодарных читателей, каждый раз ожидая выстрела или удара ножом. Два глаза хорошо, четыре – лучше. Что? Лучше муха с ее фасеточными глазами? Лучше. Но перебор.

Кстати, стреляет Ниночка хорошо. Есть у нее чутье на расстояние, есть глазомер – не надо забывать, что она все-таки спортсменка, гимнастка, а для гимнастки мастерское владение своим телом есть жизненно необходимое условие. Чуть промажешь, чуть недотянешь – и готов тяжелый перелом, ушиб внутренних органов. А можно и вообще шею сломать. Так что рефлексы у Ниночки на высоте и ничуть не притупились за то время, которое прошло с момента ухода ее из большого спорта. Ну… мне так кажется.

Вот только оружие ей нужно под стать комплекции. Всякие там «кольты» сорок пятого калибра, а также ручные пулеметы будут смотреться в ее ласковых ручках в высшей степени презабавно. Потому для нее будет «вальтер ППК». Компактный, очень похожий на «макаров», только изящнее и легче – точно под ее руку. Калибр 7,65 – вполне достойно. На 25 метров пробивает три доски 20 мм толщиной. А мощнее и не надо. Это оружие скрытого ношения для обычных граждан – не для спецназа или киллеров. Тут огневой контакт будет максимум на 7–10 метров, можно сказать в упор. И бронежилет пробивать не придется – не настала эпоха бронежилетов скрытого ношения. Да и нескрытого – тоже. Семь патронов в магазине, восьмой в стволе – вполне прилично. Восемь человек можно свалить. А когда патроны закончатся – нажал кнопочку вверху на щечке рукояти, магазин – бах! И уже валяется на полу. И ты вставляешь новый магазин. Секунда! И пистолет готов к стрельбе. Хорошо!

У «макарова» ты должен долго и мучительно выщелкивать магазин из рукояти, поддевая тугую защелку на тыльнике. Потом выдергиваешь магазин и вставляешь новый. Ну и сам пистолет тяжелее, массивнее и менее эргономичен. Нет, ну так-то я лично, если бы выбор стоял – «вальтер» или «макаров», – взял бы «макаров». 9 мэ-мэ все-таки и прицельная дальность 50 метров против 25 вальтеровских, но этот пистолет для Нины, так что без вариантов.

– Итак, моя дорогая, ты убедилась – полицейский «смит и вессон» не для тебя. А тогда попробуй вот этот!

Я достал коробку с «вальтером», раскрыл ее, достал пистолет и, вставив в него уже заполненный магазин, передернул затвор, загоняя патрон в патронник. Затем опустил флажок, блокируя выстрел предохранителем, и подал ствол Ниночке.

– Смотри, нравится?

Ниночка осторожно взяла пистолет в руку, погладила другой и уважительно сказала:

– Красивый! И в руку ложится хорошо! А тот (она указала на полицейский револьвер) какой-то грубый, неудобный. А этот женский! Прямо для меня!

– Для тебя и есть. Это «вальтер ППК», есть «вальтер ПП», тот побольше, для полицейских был сделан, а этот вроде как для гражданских, оружие самообороны. Хотя при достаточном умении из него можно спокойно перестрелять кучу народа. Смотри сюда: вот тут флажок, поднимаешь его вверх. Красную точку видишь? Это значит, что пистолет готов к стрельбе. Проверь наличие патрона в патроннике. Чуть оттяни затвор назад… ага, вот так – видишь патрон? Замечательно. Пистолет уже на взводе – курок сзади. Если бы он был не сзади, просто при первом выстреле пришлось бы посильнее нажимать на спуск, чтобы взвести курок, а потом его взводит отдача при выстреле. Потому он и называется самовзводным, этот пистолет. Кстати, спуск у него очень легкий. Становись сюда. Мишень на пятнадцати метрах, дальше тебе не нужно. Целься всегда в грудь. Не в голову – в грудь! Голова маленькая, в нее труднее попасть. Опять же – человек башкой вертит, дергает, а грудь широкая и стоит на месте, а в ней, между прочим, есть очень даже замечательные цели – сердце, легкие, сосуды всякие. А если ты дернешь за спуск и пуля пойдет выше – попадет в горло или в голову. Если клюнешь стволом – засадишь в живот или пах, что тоже совсем недурно. Потому стреляй только в грудь и только двоечкой. То есть как можно быстрее второй выстрел в одну и ту же цель. Смотри!

Я взял из рук Ниночки пистолет и, почти не целясь, выпустил две пули в грудную мишень. Нажал кнопку, с жужжанием электродвигателя мишень подъехала к столу.

– Смотри – пули легли кучно, практически в середине груди. То есть в сердце. И этот тип уже покойник.

Я взял карандаш, обвел дырки в мишени, отправил мишень на исходную, повернулся к Ниночке и замер, оборвав свою лекцию на полуслове. Подруга стояла и смотрела на меня со странным, каким-то чужим выражением лица. Чуть ли не с отвращением.

– Эй, Нинок, ты чего? – Я отложил пистолет на стол, подошел, легонько встряхнул девушку за плечи. – Ты чего такая? Что случилось?

– Ты так легко говорил об убийствах! Ты будто наслаждался, говоря о том, как пули будут рвать тела людей! Разве так можно?! Это же люди!

Оп-па! Как все запущено! Ну что же, начнем ликбез.

– Нина, ты читала о войне? Читала, конечно. Про зверства фашистов, да? Как ты думаешь, заслуживали они смерти?

– Ну да… но это же фашисты! А фашистов давно нет! Советская армия всех их перебила! А тогда в кого ты собираешься стрелять?

– По поводу того, что перебили всех фашистов – вопрос очень даже спорный. Толпы их удрали в Южную Америку и преспокойно живут себе и радуются жизни. Есть даже версия, что жив и сам Гитлер – подбросил вместо себя двойника и живет в южных краях. Но речь не о том. Кроме фашистов-немцев, была еще куча предателей, которые зверствовали гораздо круче, чем даже сами немцы. Например – украинские националисты. Их зверствам поражались даже немцы, которые поставили жестокость на поток. Например, молодогвардейцев пытали и убивали именно они, украинские националисты, а никакие не немцы – знала об этом? Уверен – нет. Советская власть не хочет заострять внимание на этом паскудном факте.

Ты, наверное, не знаешь, что недавно арестовали и скоро будут судить некую Антонину Гинзбург, она же Макарова, предательницу, которая скрывалась с самой войны? У нее была кличка Тонька-пулеметчица. Знаешь почему? Не знаешь. А я тебе расскажу. Ее взяли в плен на фронте, она попала в окружение и долго скиталась по лесам, пока немцы ее не поймали. А поймав, предложили стать палачом. Расстреливать партизан и вообще местных жителей, заложников. Дали пулемет «максим». Вот из него она и расстреливала. А потом чистила пулемет и шла в казарму, где пила шнапс и кувыркалась с немцами. Докувыркалась, что подцепила кучу венерических болезней, и ее отправили в немецкий тыл, в госпиталь. А тут уже и войне конец. Она затерялась в послевоенной суматохе, вышла замуж за фронтовика и жила себе поживала, даже на собрания пионеров ходила. Рассказывала, как побеждала фашистов. Ветеранка.

– И как же ее поймали, – сдавленным голосом спросила Ниночка, – эту тварь?

– Не знаю, – равнодушно ответил я, который уж точно знал, как именно ее поймали. Еще бы не знать – если это я ее сдал, подробно описав и преступления гадины, и то, где она сейчас проживает.

– КГБ как-то ее вычислил. Только не спрашивай, откуда я об этом знаю. Знаю, да и все тут!

Ее поймали бы через семь лет. Совершенно случайно. Тоньке просто не повезло – она столкнулась с одним из тех, кто видел ее на расстрелах. И еще больше не повезло в том, что мужик оказался глазастым и увидел в этой пожилой респектабельной женщине тварь по кличке Тонька-пулеметчица.

Ее расстреляли. И она почему-то до последнего была уверена, что не расстреляют. Не верила. Ведь в злом Мордоре-Союзе женщин в то время практически не расстреливали. Думала, отсидит срок, выйдет и будет жить на пенсию, как все обычные люди. Ан не вышло.

– Она успела расстрелять более полутора тысяч человек, – закончил я свой рассказ. – А теперь хочу тебя спросить: ты поняла, зачем я это тебе рассказал?

– Ты хотел до меня донести, что не все люди заслуживают жизни? – Ниночка пожала плечами. – Ну так я это всегда знала! Фашисты, предатели всякие, негодяи!

– Вот. Ты соображаешь. Неглупая девочка. А теперь представь, что некто хочет нас с тобой убить. Тебя убить. Меня убить. Просто потому, что считает – нам жить не надо. Ну вот так он решил. Как ты поступишь? Позволишь ему убить себя? Позволишь, чтобы меня пристрелили на твоих глазах? Лауру с Пабло?

– Да кто нас тут будет убивать?! – фыркнула Нина. – Тут такая деревня, такая тишь, благодать – это просто смешно думать, что кто-то соберется на нас нападать! Ты же писатель с мировым именем, тебя на руках носят, пылинки сдувают – и кто-то решит тебя убить?! Да ладно… не поверю!

– Кто такой Кеннеди – знаешь? – фыркнул я. – Как ты думаешь, кто из нас известнее? Ниночка, в мире невероятное количество идиотов, которые мечтают прославиться хотя бы тем, что убьют какую-то знаменитость. И я не собираюсь так просто сдаваться. И вот еще что… не хочу тебя пугать, но… ты слышала, что мне пришлось убить нескольких уличных бандитов? Ты думаешь, это все досужие домыслы? Домыслы, но не все. Я убил пятерых бандитов из банды чернокожих. И насколько мне стало известно – они строят планы, как бы это мне нагадить. Убить меня, тебя, всех моих людей. Потому каждый из тех, кто находится в этом доме, должен быть вооружен и, соответственно, хорошо владеть своим оружием. Выносить его за пределы дома мы пока не можем, лицензии на ношение у нас нет, но пользоваться на территории поместья, пресекая попытки проникновения, – это запросто. Говоришь, я с удовольствием говорю о том, какие повреждения наносят врагу мои пули? Да не с удовольствием, я тебе что, маньяк, что ли?! Я говорю о человеческом теле так, как говорил бы бронебойщик о танке врага – куда надо попасть, чтобы тот прекратил двигаться и загорелся! Я не вижу во враге человека! Для меня он – цель. И ничто иное. И ты должна забыть, что перед тобой человек. Если вспомнишь, если хоть на секунду тормознешься – погубишь и меня, и себя. Вспомни, что я тебе говорил о бандеровцах! Они отрубали ноги топорами молодогвардейцам. Они выкалывали им глаза, насиловали девушек. Об этом тоже мало говорят, но так было. И часть изувеченных ребят сбросили в шахту живыми. И те умирали в шахте еще несколько дней. Тихо, тихо, не надо плакать! Просто когда ты стреляешь – вспоминай этих ребят. Представляй, что перед тобой враг. Перед тобой эти самые бандеровцы, которые не заслуживают жизни. А если придется стрелять в женщину – а в банде полно и женщин, – вспоминай Тоньку-пулеметчицу. И то, как она расстреливала наших людей из «максима».

Я помолчал, вытер слезы с глаз Ниночки и продолжил:

– Запомни, война не прекращалась. Война вечна. Просто она принимает разные формы. Война – Зло, а Зло существует до тех пор, пока в мире есть Добро. Зло принимает разные формы: Тоньки-пулеметчицы, нелюдей-бандеровцев, чернокожих бандитов, которые на улицах городов продают наркотики, торгуют маленькими девочками, отдавая их взрослым извращенцам, грабят, убивают, насилуют. Чем они лучше тех же бандеровцев? И мы не должны думать о том, что они тоже люди, запомни это.

– Запомню… – Нина медленно кивнула, взяла в руки «вальтер». Потом вскинула его, выстрелила – двумя «двоечками», как это делал я. Положила пистолет,

посмотрела на результаты. Они были достаточно печальны. В силуэте – только две пули, еще две по бокам, в «молоке». Но все-таки это был результат.

– Ну что же… для начала вполне неплохо! – бодро заявил я, пододвигая Нине пачку патронов. – Набивай магазин, и… все заново. Через неделю ты будешь муху влет бить! Ну если не муху… то в дом точно попадешь!

Ниночка хихикнула и ткнула меня кулачком в бок. Больно, между прочим, ткнула. И я задумался – а почему это я вдруг решил, что она не сможет завалить мужика приемом рукопашного боя? Она, спортсменка! Ведь главное в этом не масса, главное – резкость удара и точность попадания. Тем более если использовать особо грязные приемы, коих я знаю очень даже приличное количество – начиная от тычков пальцем в глаз и заканчивая ударом в пах. А если ей еще и дать нож… в том числе и метательный… ооо… девочка, я из тебя ниндзя сделаю! Кстати, почему бы и нет? В жизни пригодится. В телохранительницы к какой-нибудь важной мадам устроиться – раз плюнуть. Идет мадам-звезда, а рядом с ней эдакая пигалица. И тут – Злодей! И хочет злодей усиленно домогаться комиссарского… хмм… звездного тела. И вдруг – облом! Маленький Полярный Лис в виде бывшей гимнастки! С пистолетом в одной руке и ножом в другой! И нет у Злодея никаких шансов, кроме одного – оставить свои гениталии печально лежать на асфальте. Забавно? Забавно!

– Я научу тебя драться. И не просто драться, а так, чтобы наповал. В том числе и с ножом. Ты не против?

– Чтобы уничтожать в мире Зло? – Ниночка усмехнулась, подвинула к себе пачку патронов и начала набивать магазин. – Никогда не думала, что буду стрелять, резать ножиком и этот самый ножик кидать! Миш, у меня такое ощущение, будто все вокруг нереально. Америка, этот дом и… ты. Все нереально. Может, я психически больная, лежу где-нибудь в палате и мне колют уколы? И все вокруг меня – галлюцинация? Ай! Ай-яй! Синяк же будет! С ума сошел?!

Нина сердито потерла правую грудь, которую я нещадно ущипнул, и недовольно помотала головой.

– И это может быть галлюцинацией! И это!

– Еще ущипнуть? Или чего… поосновательнее?

– Нет! У меня и так все болит! Доосноватился сегодня ночью! Ну нельзя же в твоем преклонном возрасте быть таким активным! Ненормальный старикашка!

Я от неожиданности замер и потом двинулся вперед, вытянув руки и многообещающе сообщая голосом Вия:

– Поднимите мне веки! Вот она! Мерзавка! Щас я тебя поимею прямо тут, на столе! На «вальтере» надругаюсь! Чтобы тебе стыдно было! Негодяйка!

Крепкое тело Ниночки извивалось, прижатое к моей груди, она хихикала и повизгивала, и я вдруг так возбудился, что рука сама собой потянулась к молнии джинсов. Ее джинсов. Потянул…

И тут за спиной послышался осторожный кашель:

– Кхе-кхе… Босс, прости, что прерываю тренировку с Найна… но дело не терпит отлагательства.

Я выпустил Ниночку, та, смущенно зардевшись, дернула молнию вверх, отвернувшись от Пабло, а я, досадливо поморщившись, обернулся к своему управляющему, больше всего жалея о том, что вовремя не запер дверь. Ужасно хотелось отмахнуться от Пабло, закрыть эту самую дверь, содрать с Ниночки все до нитки и полчаса посвятить сексу в антисанитарных условиях. Почему-то такой секс даже слаще, чем обычный, в семейной постели со всеми удобствами.

Был у меня один сослуживец, уже в годах, майор. Так вот он говаривал: «Знаешь, вот прижмешь свою бабу в чужом огороде – и такое удовольствие вдруг испытаешь! Как если бы чужую бабу трахнул!» Что-то в этом есть, некая сермяжная, она же посконная, правда. Замечал такое – очень возбуждаешься, приласкав супругу в чужом, неродном, так сказать, месте, и сама она ведет себя по-другому. Хмм… будто с чужим мужиком. Глупо, но, может, и женщины испытывают такое же чувство, когда муж ласкает ее в чужом огороде? Глаза закроет и представляет, как ее… хмм… Нет, лучше об этом не думать. И спрашивать об этом не надо. Все равно же соврет. Только дурак или дура в подобных случаях скажут тебе правду.

– Я буду тренироваться, хорошо? – вопросительно посмотрела она на меня, говоря по-русски. – Я буду тебя защищать. Никто не посмеет на тебя напасть, я всех убью! И буду стрелять не хуже тебя! И ножиком резать! И… и… в общем, я научусь! Мы им еще покажем!

– Конечно, покажем! – ухмыльнулся я и, не удержавшись, добавил: – Они его вида не перенесут!

Ниночка хихикнула, сказала, что я испорченный старикашка, и, продолжая ухмыляться, я пошел к выходу, где меня ждал Пабло. Просто так он меня беспокоить бы не стал, это точно. А пока шел, задумался: а что он имел в виду, говоря, что помешал нашей с Ниночкой тренировке? В чем мы с ней тренировались? Двусмысленно как-то звучит. Но кстати – точно в стиле этого мрачного шутника. Хрен поймешь – то ли шутит, то ли всерьез говорит.

– Босс, там феды приехали. Я этих гадов носом чую! Не представились, попросили позвать тебя. Я сказал, что сейчас сообщу тебе, но не знаю, хочешь ли ты с ними встретиться. Будь осторожен! Это такие гады, что просто слов у меня других нет! Если что – у нас с Лаурой стволы наготове.

Кстати, Лауру тоже подучили стрелять, и стреляла она вполне неплохо из револьвера 38-го калибра, который я купил специально для нее. Короткоствольный «кольт-бульдог». Вид у него отвратный, я такие не люблю, но если звездануть из него в упор – эффект будет не хуже, чем если бы лошадь копытом лягнула.

Кстати, «федов», как их называет Пабло, я ждал уже давно. Ну не могли они не приехать! Тем более после попытки моих же соотечественников меня похитить. Следят, шакалы шелудивые! Да ну и пусть. Какой там главный принцип айкидо? Нужно пустить силу противника себе во благо и тем его победить. Перефразирую, конечно, но смысл, по-моему, ясен. Итак, поборемся!

– Сколько их?

– У ворот – трое. Сколько еще в машине сидят – не знаю.

– Машину не пускай. Троих тоже не пускай – только двоих. Скажи – распоряжение босса. Сделай физиономию поглупее, таращи глаза и повторяй:

«Масса сказал, два человек! Ничего не знай!»

– Не прокатит. Про «масса». – Пабло покосился на меня. – Вот если бы я был черный, да и то…

– Да что хочешь делай, но чтобы сюда вошли только двое. Только не калечь, нам еще с федами проблем не хватало. В гостиную их.

Пабло кивнул и пружинистым шагом пошел к воротам, а я отправился в гостиную – как был, в джинсах, клетчатой рубашке, кроссовках. Кстати, мне долго пришлось себя приучать не разуваться на пороге и не переобуваться в домашние тапочки. Американцы все-таки хорошенькие такие свинтусы – в чем на улице ходят, в том и по паркету шастают. Но раз уж я оказался здесь, в этом американском кубле, – надо принимать их правила. Ну в самом деле – не будешь же каждый раз требовать от гостей, чтобы они надевали тапки? И не от гостей – тоже. Лаура с Пабло постоянно перемещаются из сада в дом и наоборот. Они бы, конечно, меня поняли, когда бы я рассказал им о русских обычаях, но… В общем – ходим по дому как американцы. Типа свинячим.

Справедливости ради надо сказать, что грязи как таковой в дом мы не таскаем – дорожки выложены плиткой, а где не плитка – там щебенка из габбро. Или газончик, больше похожий на плотный зеленый ковер. Пачкаться по большому счету-то и негде. Если только Пабло, который ковыряется в клумбах и сажает всякие невидали, пачкается, но у него для того рабочие резиновые сапоги, оставляемые им в небольшой «бендешке» у гостевого дома, где живут они с Лаурой.

Проходя мимо кухни, где священнодействовала Лаура, втянул носом вкусный мясной дух и даже сглотнул слюни. Нет, хорошо, что мощная вытяжка на улицу! А то вот так сиди и целыми днями слюнями истекай! А как работать? В такой-то атмосфере? Опять же можно и язву желудка получить. Запросто, между прочим! Врачи еще в моем времени заметили, что если под офисом (рядом с офисом) находится какой-то «пахучий» пункт питания, запахи от которого проникают на рабочее место, то работники на этом самом месте начинают истекать слюной, и соответственно их мозг готовится к приему пищи, усиленно выделяя желудочный сок. А если пища не поступает в этот самый момент – что тогда делает желудочный сок, в миру слабый раствор соляной кислоты? Правильно! Он разъедает стенки желудка. Вот так и образуются язвы.

Интересно, что она там готовит? Иногда я сам заказываю, что-нибудь из русской кухни, которой я же ее и научил – готовить всегда умел и даже любил. А иногда она сама – что-нибудь из латиноамериканской кухни, острой и жгучей, как напалм. Для меня делает не очень острые блюда, хотя я и люблю острое – просто те латиносы, которые не могли есть свои жгучие штуки, вымерли как динозавры, оставив вместо себя племя людей, кажется, способных без вреда для здоровья есть раскаленное железо. Нет, до их уровня продвинутости я еще не дотянулся.

В гостиной горел камин, и его приятное тепло распространялось на всю комнату. Я сел в кресло сбоку от каминного зева, нащупал спрятанный в кресле «кольт 1911» и расслабился, вытянув ноги и прикрыв глаза. Идиллическая, наверное, картина – хозяин дома, эдакий новый Хемингуэй – сидит себе и обдумывает свои будущие гениальные нетленки.

Кстати сказать, к Хемингуэю я всегда относился неоднозначно. С одной стороны, я его бесконечно уважаю. Бурной жизни этого человека хватило бы на несколько, а то и на несколько десятков человеческих жизней. Он загонял себя туда, откуда могли выбраться совсем немногие счастливчики – например, в ту же самую Испанию, где он сидел в осажденном фашистами Мадриде и писал о том, что видел вокруг. Во Второй мировой войне он возглавил отряд из двухсот партизан и воевал с немецкими фашистами. Как можно не уважать такого человека?

А с другой стороны – в конце жизни он сделался нелюдимым, неприятным человеком, алкоголиком и психопатом, практически уничтожившим свою жизнь и самого себя. Ему все время казалось, что за ним подсматривают, его подслушивают, что везде стоят «жучки» подслушки и за ним постоянно ходят шпики. Само собой, ничем хорошим эта гиперпаранойя закончиться не могла. Он застрелился из любимого ружья.

Я не люблю самоубийц, каким бы мотивом ни был вызван их акт. Только одно может оправдать самоубийство – страх выдать тайну, раскрытие которой повлечет за собой многочисленные людские потери. Никто не может устоять против пыток. НИКТО. Сломать можно любого человека – как бывший военный, я знаю это лучше многих. Но если у человека все хорошо? Если он любим читателями всего мира? Богат, живет в благословенных краях у теплого моря? ЗАЧЕМ?! Увечные, больные, нищие живут, борются, радуются жизни, не имея поместья на берегу моря, не имея морского катера и кругленькой суммы на банковском счету. А ты зачем это сделал?! ТРУС! Трус и больше никто.

Кто-то скажет: «Ишь, развоевался! Пинает мертвого льва! А ты бы сам попробовал!» А я пробовал. И ранен был. И отбивался гранатами, когда казалось – все, жизнь кончилась и осталось только подороже продать ее, жизнь. И когда остался один патрон в «стечкине» – ждал, когда «дух» подойдет поближе, чтобы зарезать его и уже потом застрелиться. Но не позволял себе расслабиться и растечься как медуза. Мужчиной надо быть! Что бы с тобой ни случилось в жизни. Мужчиной!

Занятый этими мыслями, я не сразу услышал, как открылась дверь с хорошо смазанными петлями. Я вообще терпеть не могу скрипучие двери, потому Пабло прошелся по всему дому и тщательно промазал эти самые петли.

– Босс, вот эти люди, которые хотели с тобой увидеться. Цели посещения мне не сообщили, сказали, что ты их знаешь. Я буду за дверью, босс!

– Не надо, Пабло, – кивнул я, вглядываясь в пришельцев. – Иди, занимайся своими делами. Если что – я сам разберусь.

Пабло молча кивнул и вышел, уже из-за спин гостей подав мне знак «я наготове!», и я остался сидеть перед двумя молча стоявшими и взиравшими на меня «гостями».

– Строго тут у вас! – подал голос старший, тот, с которым меня некогда свел Рон и который выдал мне десять тысяч долларов, символизирующих тридцать сребреников, полученных за продажу родины.

– Ну а вы как думали, – усмехнулся я, – вдруг найдутся желающие добраться до писательского тела. Надо же обеспечить себе безопасность! Так что вас привело ко мне? Присаживайтесь (я указал на кресла передо мной, у столика). Грейтесь. Сегодня мерзкая погода, не правда ли?

Погода и правда испортилась – два дня лил дождь, холодный, чуть ли не со снегом. Я смеялся, говоря Ниночке, что это она привезла с собой непогоду. В это время где-нибудь в Саратове или Москве голые деревья, обитые ледяным ветром, прохожие, торопливо перебегающие улицу под защитой хрупких зонтиков, и вскорости – мокрый снег, украшающий размокшие комья грязи на обочинах дорог. Здесь климат все-таки потеплее, и такое похолодание не очень

типично для побережья океана. Только у камина сейчас и сидеть, слушать, как потрескивают поленья, облизываемые огнем.

– Мы знаем, что вы едва избежали похищения, организованного советскими спецслужбами. И мы бы хотели, чтобы вы в ближайшее время выступили на пресс-конференции, разоблачив агрессивные действия Советов. – Старший не стал заниматься петтингом, а сразу приступил к делу. Возжелал, так сказать, с ходу овладеть писательским телом – прямо-таки не снимая лыж.

– Да с чего вы взяли, что имело место какое-то там похищение?! – вполне натурально удивился я. – Какое такое похищение? Ко мне постоянно прорываются всевозможного вида папарацци, и мы с ними успешно боремся. Вот, в общем-то, и все! Какое похищение? Я не буду лгать журналистам!

– Вы, вероятно, недопонимаете, в каком находитесь положении, – вкрадчиво, глядя мне в глаза, негромко сказал старший этой парочки. – Вы находитесь в США только потому, что мы вам это позволяем! Вы дали подписку о сотрудничестве, получили деньги, а теперь идете на попятную?! Вы вообще осознаете, что с вами может быть, если мы примемся за вас как следует?

– Осознаю, – пожал я плечами. – Мне придется уехать. Например, во Францию. Или в Аргентину. Или в Австралию. Или еще куда-нибудь. Там я соберу пресс-конференцию, где на весь мир заявлю, что вы, используя методы шантажа, заставляете меня говорить неправду. Что вы обманным путем дали мне денег, сказав, что это помощь государства США такому известному писателю, как я. И кстати – никакой подписки я не давал. Я всего лишь согласился сотрудничать с вами, если это не нанесет ущерба моей стране. Мне будет жаль уезжать из страны, которая, как я думал, станет моей второй родиной. Но я уеду. Вряд ли вы устроите шоу, удерживая писателя с мировым именем, создав скандал всемирного масштаба. За меня тут же вступится соцлагерь, поливая вас дерьмом, и я, как герой, не сдавшийся империалистам, вернусь домой, где буду жить в достатке, почете и уважении. А вы вместо меня получите дырку от пончика, а еще – скандал, после которого ваша карьера может резко пойти вниз. Вам это надо? Сегодня вы – те, кто якобы завербовал известного писателя, завтра – те, кто обгадил операцию, тупо, неуклюже надавив на него и не дав ничего взамен. Парни, вы что решили, перед вами сидит наивный крейзи? Или наркоман, которого вот так легко взяли за воротник и поволокли куда вам нужно? На меня завязаны проекты стоимостью в десятки миллионов долларов. Две кинокомпании, обладающие гигантским влиянием в стране. Издательство не

из последних, которое будет биться за меня со всей яростью безумного берсерка, ибо я приношу им просто сумасшедший доход! Общественное мнение страны меня боготворит – я таинственный колдун, писатель, у которого не менее десятка фанклубов! И вы пытаетесь меня втравить в дурацкую историю с дерьмовой пресс-конференцией? Да вы в своем уме?! Ну что вы таращитесь, будто увидели явление Христа народу? Соображать же надо, что вы делаете! Бить из пушки главного калибра линкора по воробьям – это так вас учили работать?!

Ладно. Хватит, пожалуй. Лица такие, как если бы этих парней положили в грязь, а сверху еще и помочились. Надо что-то кинуть им в утешение. Так сказать… приласкать. Ну не зверь же я, в конце-то концов.

– Господа! – сказал я как можно радушнее, – давайте мы начнем с нуля. Я не хочу с вами ссориться – зачем мне лишние хлопоты? Но и вы поймите, заниматься всяческими глупостями на уровне завербованного нищего инженера – это ниже моего достоинства. Давайте просто поговорим – не для протокола. Что вас заставило пойти на такой опрометчивый шаг? Давайте я предположу – какой-нибудь совершенно тупой начальник, которого давно уже пора гнать пинком под зад, идиот, занявший свой пост по протекции папеньки, прислал вас ко мне, требуя нажать на меня с тем, чтобы получить сиюминутный, и замечу, сомнительный результат. Ну скажете вы, что злые Советы хотели вытащить меня на родину, и что?! Я вообще-то советский гражданин, так что они могли потребовать, чтобы я вернулся. Другое дело, что пока я этого не могу сделать – у меня, повторюсь, огромные, многомиллионные проекты в кинобизнесе, и эти проекты принесут кучу денег всем, кто ими занимается. И как человек ответственный я не могу подвести доверившихся мне людей.

Я помолчал секунды три и продолжил:

– Давайте так: вы не занимаетесь чушью вроде той, что сегодня мне предложили, а я, в свою очередь, буду лоялен вашей стране. Одно то, что я выбрал для проживания США, поднимает статус этой страны. Прославляет ее.

– И Советский Союз – тоже! – мрачно заметил старший из «гостей».

– И Советский Союз тоже, – пожал я плечами. – Интересно, а как вы хотели? Я родился в России, как я могу ее не прославлять? Не сам социалистический строй,

нет! У меня к нему много претензий. Я прославляю именно Россию – родину мою. Ее леса, ее горы, ее замечательных людей! Правители приходят и уходят, но люди-то остаются! Я русский, понимаете? И это никуда не денется! А настоящий русский никогда не будет лить дерьмо на свою страну! И расквасит морду любому, кто будет это делать! А те, кто льет помои на родину, – это не русские. Это космополиты. А теперь, если вы снимете ваши микрофоны, мы сможем поговорить более откровенно.

– У нас нет никаких микрофонов! – живо отозвался второй, все время молчащий собеседник, – чего вы придумали, сэр?!

– Мне что, позвать Пабло, чтобы он вас обыскал? Вы хотите поговорить как следует или же будете нести эту чушь? Снимете – не пожалеете. Гарантирую!

Мужчины переглянулись, потом нехотя расстегнули пиджаки, рубашки и, морщась, оторвали с груди пришлепнутые чем-то вроде скотча провода. Достали коробочки передатчиков, щелкнули выключателями. Я сделал приглашающий жест, «гости» дали коробочки мне, и я убедился, что те выключены. Древние, как пирамиды системы передачи звука. В машине сидит слухач и пишет на здоровенный катушечный магнитофон, чтобы потом в тишине кабинетов разобрать каждое мое слово по маленькой буковке. Я в кино такое видел и думаю, что это соответствует действительности.

– Итак, мистер Карпофф, что вы хотели нам рассказать?

Я помолчал, как бы нагнетая атмосферу, а внешне – будто собираясь с мыслями, а потом и начал:

– Вы слышали, что меня иногда называют колдуном. Чушь, конечно. Никакой я не колдун. Я сам придумываю сказки про колдунов. Но то, что я вам сейчас скажу, должно остаться между нами и не должно выйти дальше тесного круга людей. И еще – за это я потребую от вас кое-какие услуги. Вполне посильные, для вас практически ничтожные. Выполнить их для вас, таких влиятельных, таких сильных, не представляет никакого труда.

Лица «гостей» просто-таки лучились любопытством. Мне даже стало смешно – как дети, право слово! Тоже мне… спецслужбы. Должны сидеть с каменными лицами, изображать статуи, а они чуть с места не вскакивают!

– Итак, суть вот в чем: некоторым образом я провидец (переглянулись). Нет, не подумайте лишнего – мои сведения отрывочны, но иногда – четкие и ясные. И я не могу вызвать их по собственной воле. Вот сижу я, работаю или обедаю, к примеру, и вдруг в голову – бац! Пришла информация. Какая? Да всякая. Часто – дурацкая. Например, вдруг привидится женская попка в странных трусиках, ничего, собственно, не прикрывающих (переглянулись, ухмыльнулись). Или автомобиль – странный, прижавшийся к земле так, что непонятно, как он может ехать. И значок на нем странный – вроде как итальянский. Ладно бы я видел курсы акций или что-то такое – да ни черта! Не разбогатеешь на моих видениях. Ну, так вот – иногда я вижу такое, о чем могу сказать… только вам, к примеру. И вы сделаете на этом карьеру. Маньяки-убийцы. Я знаю, кто такой этот маньяк-убийца, когда он начал или начнет убивать (скепсис на лицах, разочарование). На годы вперед. Через два, три, пять лет. Хотите – верьте, хотите – нет.

– И кого же из маньяков вы можете нам дать, чтобы мы могли проверить ваши слова, мистер Карпофф? – голос скучный, точно разочарованы.

– Блокнот есть? Записывайте: Хьюстон. Дин Аллен Коррл. Электрик на местном предприятии. Он гомосексуалист. Его любовники двое подростков – Дэвид Брукс и Элмер Хенли. Коррл с 1970 года при помощи своих любовников заманивает подростков в свою квартиру, а потом жертв насилует, живьем режет на части и убивает. Сколько он убил за это время – не знаю. Но до 1974 года он убьет около тридцати подростков. Если взять его любовников, нажать – они легко сознаются в содеянном. Кроме того – трупы в сарае. Больше пока что вам ничего не скажу. Пока не проверите.

– Проверим. А что вы хотите от нас?

– В первую очередь разрешение на скрытое ношение оружия хотя бы в штатах Нью-Джерси и Нью-Йорк. А лучше – по всей стране. Для меня, для моей девушки, для моего управляющего и его жены.

– Ух ты! – усмехнулся второй «гость». – Вот это у вас запросы! Так просто – разрешение, и все тут! Что, ждете нападение черной банды? Или собираетесь отбиваться от своих советских друзей?

– И черных, и советских – какая разница, от кого? У моей подруги рабочая виза. У меня – тоже. Лаура и Пабло – граждане США. В чем проблема? Нам нужно

защищать свою жизнь – так почему бы не получить разрешение на ношение? Что, спасенные от маньяка американцы не стоят каких-то там бумажек?

– Я записал ваш рассказ, – скучно, со вздохом сообщил собеседник. – Мы его проверим. А теперь можем поговорить – например, о несостоявшемся похищении. Как вы видите, мы ничего не записываем, так что это просто беседа. И я хочу спросить – почему они собирались вас похитить? И почему вы отказались вернуться в Союз? Вам там что-то угрожает? И тогда последует вполне логичный вопрос: если вам в Союзе что-то угрожает, почему вы не хотите получить статус политического беженца и стать гражданином США? Ведь мы вам уже предлагали это сделать, но вы отказываетесь. Какова причина?

– Я не могу без родины. Я хочу жить так, чтобы можно было свободно перемещаться по миру – в том числе иметь возможность приехать и к себе на родину. Если я сделаю то, что вы предлагаете, – дорога домой будет мне закрыта. Кроме того, я подведу людей, которые меня сюда отправили, рассчитывая на мою порядочность. Их будут ждать неприятности. Кроме того, и я это озвучивал уже не раз, я считаю грязным, непорядочным делом плевать в свою родину. Какая бы она ни была и какие бы ошибки ни допускала. Теперь о том, почему я не возвращаюсь на родину: ну тысячу раз же сказал – дела у меня тут! Деньги я зарабатываю, и такие, что многим и не снилось! Вот вы бы убежали от ручья, по берегам которого валяются золотые самородки?! Да что же тут непонятного-то! А эти наши тупые спецслужбы – им плевать на все! Вот решили они, что я должен приехать именно сейчас – и я должен бросить все и нестись по первому зову! А раз не хочу бежать по первому зову – значит, я предатель, значит, преступник, и меня надо хватать и тащить! Ну не идиоты ли? У вас что, тоже такие глупости творят? Впрочем, творят, иначе вы бы не притащили свои задницы ко мне, предлагая абсолютно тупые сценарии развития событий. Все вы, работники спецслужб, похожи друг на друга. Какой-то идиот примет тупое решение, а вы только салютуете: «Будет сделано!» И едете, вытаращив глаза, куда вам ехать-то и не хотелось. Кстати, кофе вас напоить? А то как-то неудобно. Я все-таки русский, а русские без угощения никого не отпускают – даже если это гости незваные.

– Нет, благодарю вас, сэр Карпофф! – Гости поднялись, кивнули мне и направились на выход. – Мы передадим ваши слова руководству.

– Аппаратуру свою заберите! – кивнул я на столик, где лежали микрофоны. – Надеюсь, вы правильно воспримете то, что сегодня услышали.

Через неделю Ниночка стреляла не хуже, чем среднего уровня стрелок-пистолетчик. Она целыми днями пропадала в тире, выходя только к обеду-ужину, приходила, пропахшая пороховой гарью и с мелко дрожащими руками. Попробуй, постреляй день-деньской, и не так руки задрожат!

Как я и думал, ее спортивное прошлое очень помогло в тренировках. Великолепная координация, развитая интуиция, тренированные, сильные мышцы – и вот искомый результат. При таком упорстве через месяц-другой она станет настоящим снайпером, как герой повести «Выстрел», который из своего пистолета искоренял мушиное племя, расстреливая мух на стене в дальнем конце комнаты.

Другой вопрос – сможет ли она выстрелить в человека? Мишени – это одно дело, а вот убить врага… Дай бог, чтобы нам никогда не пришлось это проверить.

Там же, в подвале, находился стенд для метания ножей. Я показал ей, как это нужно делать, и Ниночка с упорством маньяка то стреляла, то метала ножи, то… колотила боксерский мешок, висящий в углу зала. Пабло даже как-то очень уважительно сказал, что моей Найна он бы не хотел попасть под горячую руку. И что такая девчонка уж точно не пропала бы на улицах Нью-Йорка.

Он называл ее «Найна» – на свой манер, вернее – в английской транскрипции. Мы не возражали – какая, по большому счету, разница? Оба – и Лаура и Пабло – относились к Ниночке с огромным уважением. Вначале потому, что она являлась моей женщиной, а потом – просто потому, что Нина на самом деле очень милая, хорошая девочка, которую невозможно не любить.

Я сразу предупредил Нину, чтобы она не особо панибратствовала – что ни говори, но Пабло и Лаура наши слуги, и я плачу им жалованье. Но Ниночка только неопределенно пожала плечами и сказала, что не собирается с ними обниматься-целоваться, но и щелкать пальцами, крича: «Эй, чилавээк!» – точно отказывается. Пусть будет, как будет, а там она уже приспособится.

В общем, скоро она уже болтала с Лаурой, показывая ей новые русские блюда (Ниночка хорошо готовила, спасибо ее маме), они весело хихикали над какими-то своими женскими секретами, и сразу было ясно, Ниночка влилась в наш маленький коллектив настолько естественно, как будто так и было задумано.

Появился Стив – его не было с неделю, а когда приехал и увидел Ниночку – вытаращил глаза:

– Матерь божья! Я думал, что больше не встречу такой красивой девушки, как Лаура! Да где вы их выкапываете, парни?! Где мне найти такую же?!

На что Пабло важно сказал, что грядки, из которых достали девушек, находятся далеко, и Стиву туда никак уже не дотянуться.

А когда Стив увидел, как Ниночка расправляется с мишенями – только клочья летят, – недоверчиво помотал головой и сказал, что теперь понимает, почему Советы победили во Второй мировой войне. Если даже девчонки так яростно и умело палят по врагу – разве же противник сможет устоять против такой ярости?

После того как я ему сказал, что буду учить Ниночку рукопашному и ножевому бою (вернее, уже начал учить), – Стив совсем обалдел. Стал смотреть на Ниночку, как на какую-то валькирию, и похоже, что в нее влюбился. Его глаза сделались маслеными, как у кота после вкусной еды, и я замечал, как он украдкой посматривает на мою подругу во время ужина, думая, что я этого не вижу.

И мне вдруг стало немного грустно. Вот не могу я полюбить Ниночку так, как свою жену. Не могу, да и все тут! Однолюб я, и ничего с этим не поделаешь.

А ее, моей жены, пока еще и в проекте нет. И будет ли? Я ведь меняю историю, я Агент Влияния. Родятся те, кого не было в моем мире, в моем времени; и не родятся те, кто остался в моей памяти. Ведь это время не мое не в том смысле, что я из будущего, а они из прошлого. Не мое оно потому, что весь этот мир не мой. Похожий как две капли воды, но не мой. Параллельный мир, и я его усиленно изменяю.

А потом Стив мне рассказал, что же я такого натворил своими МНВ. А натворил я вот что: того седого типуса, который был очень недоволен моими успехами в стрельбе и рукопашном бое, отправили на пенсию, со всеми возможными и положенными почестями. Как и всю верхушку полицейского управления. Номинально – по выслуге и невозможности вести активную деятельность по причине преклонного возраста, а на самом деле – из-за развала работы «на

земле». Это профессиональный сленг – так говорят наши российские опера: «на земле». То есть на улицах городов. Не в кабинетах.

Наверх выдвинулись достаточно молодые, активные, «резкие» мужики, которые начали крушить систему с грацией носорогов. И катализатором процесса послужил я, как маленький камешек, увлекший за собой целую лавину.

В отставку ушел мэр Нью-Йорка, не выдержав давления критики, и его место теперь занимал заместитель – тоже достаточно молодой, выходец из прокуратуры. До выборов.

«Мою» теорию разбитых окон взяли на вооружение совершенно официально, и теперь на всех инструктажах в полицейских участках всех копов нещадно дрючат, требуя арестов, требуя не пропускать ни одного, самого малейшего правонарушения. Камеры полны задержанными, суды работают едва ли не круглосуточно, пропуская через себя вереницы всевозможных нарушителей закона, начиная от хулиганов, разбивших то самое пресловутое окно, и заканчивая ворами и грабителями всех мастей.

А еще – тут уже явно мое прямое влияние – копам дан негласный приказ при малейшем неповиновении, при подозрении на угрозу жизни и здоровью полицейского – открывать огонь на поражение. А проще говоря – валить шпану на месте. Безжалостно искоренять.

Само собой, это все не осталось без внимания либеральных газет, которые тут же обвинили полицию в беспричинной жестокости, на что полицейское управление выдало целую подборку примеров того, как уличная преступность расправлялась с законопослушными гражданами Нью-Йорка. И это все с фото, с рассказами плачущих родственников жертв (по ТВ), с пугающими прогнозами на будущее. Кстати, на удивление грамотно сработали явно под руководством своего, полицейского пиар-агентства.

Упоминалось и мое имя – главным образом в связи с «теорией разбитых окон». Второе ее название было «теория Карпофф».

Честно сказать, я не следил за всей этой кутерьмой, потому все рассказанное Стивом явилось для меня откровением. Телевизор я не смотрел – там показывали такую несусветную дрянь, что даже российские каналы 2018 года в сравнении с

этой американской телелабудой казались верхом ума и интеллигентности. Газеты не читал – а что мне там особо читать? Собирать заметки про себя, любимого? Никогда не был особо тщеславным. А уж чтобы завести папочку, в которой хранятся заметки обо мне, – от одной этой мысли меня разбирает нервный смех.

Вся моя жизнь сосредоточилась в этом доме – стол с пишущей машинкой, тир со спортзалом, Ниночка под боком, мой садик, Лаура с Пабло. Ну и нечастые контакты с издательством – Страусу сейчас, по большому счету, не до меня, он бегает и проталкивает экранизации моих книг, а еще издает и переиздает то, что я ему регулярно передаю из рук в руки в виде толстенькой папочки с бумагами. Кстати, делаю я это всегда в присутствии Лауры и Пабло – как свидетелей. Мало ли что… моя рукопись стоит огромных денег. Таких денег, о которых в этом мире могут мечтать только единицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/evgeniy-schepetnov/1972

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити